
КРУПНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОВЕСТЬ, ПЬЕСА

Олеся Янгол
Виталий Ковалев
(г. Юрмала, Латвия)

**ГОЛУБАЯ ЛАВОЧКА
С ВИДОМ НА ЗАКАТ**
(Третья книга саги «Побережье наших грез»)

«Дыши»
Йоко Оно

1

Сегодня мой самый любимый день — вечер пятницы. Обычно в пятницу у меня впереди два выходных. А с пятничным вечером, считай, все три. Но все дело в том, что с понедельника начинается мой отпуск и продлится он целый месяц. Но это еще будет впереди. А сегодня у меня — ЦЕЛАЯ ПЯТНИЦА!

Приехал с работы, быстренько сварганил ужин в виде яичницы с добавлением всего, что нашел в холодильнике. Помните у Джерома К. Джерома в книге «Трое в лодке, не считая собаки» упоминается «ирландское рагу», которое представляет из себя тушеное блюдо из всего, что вы найдете в холодильнике? Я попробовал это сделать, и оказалось, что книга не обманывает — получается, действительно, очень вкусно. А если под рукой есть майонез и сыр, то точно, пальчики оближешь.

Все это я приготовил очень быстро, сделал пару глотков крепкого чаю, и вот, уже на велосипеде еду на море. Хотя, чего тут ехать? Только и надо, что подняться на дюну и вот вам море с бесплатным видом на закат, как по расписанию. Сегодня вода в море теплая. Вон, страна голопузия в ней плещется! А потом, накупавшись, можно будет бухнуться с книгой на песок. Сейчас для счастья мне ничего больше и не надо. Сегодня взял с собой Хемингуэя, это, для меня, самое любимое летнее чтение. Каждое лето перечитываю «Острова в океане».

Как хорошо на волнах! Они поднимают тебя, и тут же ты погружаешься в провал между ними и тогда берега не видно, кажется, что ты в бескрайнем, открытом море, и над тобой только голубое небо, облака и пена волн, сбиваемая ветром. Я поворачиваюсь лицом к закатному солнцу, прикрываю глаза, чтобы солнечный свет не слепил и, чувствуя всем телом прохладу моря, говорю — «Боже, спасибо тебе за все! Я счастлив!»

Это и есть вся моя молитва. И я уверен, что Бог меня слышит. Чем это море хуже

любого храма, который строят люди? Вон, какой надо мной голубой купол! Вон, какая закатная роспись!

Волны несут меня к берегу, выхожу и, обсыхая, разглядываю детвору с совками, ведерками, играющую на песке. Пытаюсь снова научиться быть таким, как они. В отличие от нас, взрослых, они в момент игры ни о чем, кроме того, что видят их глаза и делают их руки, не думают. Мы, взрослые, так уже не умеем. Играя, дети живут с чувством вечности. Для них не существует ни «сегодня», ни «завтра», а есть только одно это мгновение, и оноечно. Это потом в школе им разъяснят, что есть дни недели и надо думать о завтрашнем дне и беспокоиться о нем, ведь то, что будет завтра, неизвестно, а все неизвестное порождает тревогу.

Да, все началось со школы. Вот, представляю я понедельник, среду или пятницу. Что я вижу? Конечно, разворот школьного дневника. Вот она — среда, внизу на левой странице разворота. Вот, откуда все это идет.

А та детвора, что в песке копаются, ни о чем этом не знает. Они сейчас не просто маленькие детки, занимающиеся всякой ерундой. Нет, это невероятные существа. Они живут в совершенно другом мире. Они живут в вечности.

Хотелось бы снова этому научиться. Просто видеть небо, слышать, как шумит море, как ползет божья коровка по пальцу, а не думать, как в понедельник справиться на работе с той или иной задачей. И ведь самое смешное то, что в понедельник, в городе на работе, я буду мысленно бродить у моря и видеть людей на пляже, которые уже загорают и купаются... Эх, никогда меня нет там, где я нахожусь...

Я ложусь на теплый песок и начинаю читать. Краем глаза замечаю муравья, бегущего по странице. Здорово лежать на теплом песке под последними предзакатными лучами солнца и читать книгу! На страницах книги посверкивают песчинки. На песчаных пригорках шуршат на ветру островки жесткой осоки и покачиваются стебли дикого овса. Я поднимаю нагретую солнцем книгу и прижимаюсь к ней лицом. Шум моря еще сильнее, отраженный книгой.

Переворачиваюсь на спину и смотрю в небо. Облака окрашены теплым светом, они уже гаснут понемногу на бледно-голубом небе и медленно летят в сторону моря.

Я одеваюсь и собираюсь уходить. На голубой лавочке никого нет, только ворона враскачку прохаживается по ней, клюет и сбрасывает на землю что-то блестящее.

Проходя мимо, взмахом руки, отгоняю ворону. С недовольным карканьем она боком отбегает в сторону.

Переехав через дюны, поросшие соснами, выезжаю на дорогу. Здесь шум моря не слышен. Я еду на велосипеде по гладкой асфальтовой дороге. Хорошо разогнаться так, чтобы с ветерком! Эй, воробей в сторону!.. По обеим сторонам дороги проносятся дома со светящимися окнами. Иногда слышится музыка и смех играющих во дворах детей. Начинает темнеть. Шашлычком запахло... Мне очень нравятся дома, в которых светятся окна. Нравится, когда на террасе едва видны силуэты людей, они тихо беседуют, слышны их голоса.

Проезжаю мимо двора, в котором живет огромный белый пес. Это большой оригинал. Его сейчас не видно за частыми планками забора, но я-то знаю, что он там. Каждый раз, когда проезжаю мимо полуоткрытых ворот, он показывает мне свою очередную игрушку.

Так и есть — стоит в проеме полуоткрытых ворот и держит в зубах диванную подушку.

— Ух, ты!..— восторгаюсь я.— Хороший, хороший пес!

Фыркнув, он поворачивается и трусит во тьму. А я еду дальше и вспоминаю о своей собаке. Не очень-то мне нравится об этом вспоминать. Но сейчас так получилось.

Было это месяца два назад. Вернулся как-то вечером точно с такой же прогулки и увидел у своего забора пса. Он тяжело дышал, высунув язык и грустно так, вроде как виновато, смотрел на меня. Это был большой пес, что-то вроде овчарки, но явно не чистокровной. Я зажег свет на кухне и стал готовить ужин. Выглянув в открытое окно, увидел его. Он смотрел на меня и принюхивался к запаху жарящейся картошки. Открыл холодильник, раздумывая, чем бы его покормить. Увидел пару сарделек и решил, что ему понравится. Подошел к нему, видя, что он внимательно смотрит на мою руку с сардельками, и положил их перед ним.

Я поразился тому, как молниеносно пес их проглотил.

«Да ты голодный! — подумал я.— Но что же тебе еще дать?» Кроме жареной картошки у меня в этот вечер ничего не было. Правда был еще кусок колбасы и хлеб.

— Пошли! — позвал я собаку, приоткрывая калитку.— Пойдем, похлопал я рукой по ноге, полагая, что именно так и надо подзывать собаку. Он действительно встал и пошел за мной, но в дом не вошел, а улегся снаружи в прямоугольнике света, падавшего из открытой двери.

Ночь была звездной. В такие ночи мне всегда кажется, что небо медленно кружится над домом, звезды сверкают, переливаются. Я сидел на ступеньках, бросая собаке куски хлеба и колбасы, потом вошел в дом и закрыл дверь. Калитку я оставил открытой, чтобы он мог уйти.

Но пес не ушел. На следующее утро я, отправляясь на работу, увидел его в дальнем конце двора, он обследовал территорию, обнюхивая все, что казалось ему интересным.

«Нормально! — подумал я,— Похоже, у меня появилась собака». Не скажу, что меня обрадовала эта мысль.

А в конце дня, когда усталый и измотанный вернулся домой, я прямо-таки расстрогался — меня встречали. Никогда меня так еще не встречали. Прямо у калитки. Да еще виляя хвостом. Это меня тронуло. Но и я о нем не забыл — купил собачьего корма и все то, что, по моему мнению, могло ему понравиться.

Не скрою, хоть пес жил во дворе, но даже в доме стало как-то уютнее. Чувствовалась рядом живая душа. Я ощущал это даже в спальне, лежа в постели с книгой в руках.

Прошло несколько дней. Однажды вечером начался сильный ливень с ветром. Под козырьком над входом пес спрятаться не мог. Косые струи дождя и там все заливали. Я открыл дверь и впустил его в дом. Но дальше прихожей он не пошел, а улегся на коврик рядом с обувью.

Спать не хотелось, я заварил чаю и, сев в кресло, включил музыку.

«Интересно,— подумал я, прислушиваясь к яростному шуму дождя по крыше,— интересно, как этого пса зовут? Он явно брошен кем-то. У него был хозяин и ведь как-то этот хозяин его звал». Мне пришла в голову мысль, что его кличка ведь началась с какой-то буквы. А вдруг он на нее отреагирует.

— А!.. Бэ!.. Вэ!.. — громко произносил я, но пес в прихожей никак не реагировал.

Подходя к концу алфавита, я уже потерял надежду на успех, и, устало, прикрыв глаза, просто крикнул ему:

— Эй! Иди сюда!..

Тут же послышалось когтистое царапанье лап по паркету и пес, подойдя ко мне, замер, уткнувшись головой в мой живот. Я погладил его по шее и увидел на ладони кровь. Я заметил рану, попробовал ее рассмотреть повнимательнее, но это вызвало у пса недовольство. Он потрусил в коридор и снова улегся у двери.

Я достал йод, бинт и как можно осторожнее обработал рану.

Ночью буря с дождем разошлась не на шутку. Было слышно, как во дворе упала сломанная ветром ветвь дерева. Пес несколько раз гавкнул.

«Ну вот, и службу начал нести», — подумал я, засыпая.

Пса я назвал — Эль, раз уж буква «э» пришлась ему по душе. Он, радостно виляя хвостом, встречал меня после работы, а потом я садился на велосипед, и мы отправлялись на прогулку по лесной дорожке.

— Эль! Эль! — звал его я, когда он слишком далеко отбегал в сторону, и он тут же возвращался.

— Хороший, пес! Хороший! — поглаживал я его по вечерам, когда он входил на мой зов в комнату, прижимался головой к моему животу и, чуть постояв так, уходил на свой коврик у входной двери.

Но скоро я стал замечать, что он то ли устает, то ли плохо себя чувствует. И кровь из раны продолжала сочиться. Ветеринар, к которому я обратился, осмотрел собаку, сделал анализы и грустно покачал головой.

— Пес умирает, — сказал он прямо. — Видимо, пока он бродил один, где-то поел крысиного яду. Спасти его нельзя. Можно постоянно переливать кровь, если у вас есть знакомый с собакой такого же габарита, но это лишь немного оттянет конец, а вернее — агонию. Еще неделя, две и он начнет мучиться. Нужно ли вам, чтобы он мучился?

Я слушал все это совершенно ошарашенный. Ведь я приехал в клинику, полагая, что это просто рана. Ее обработают, сделают укол или еще что-то... А тут вдруг такое...

— Что же делать? — задал я бессмысленный вопрос и посмотрел на Эля. Он тоже поднял голову с лап и печально посмотрел на меня.

Не знаю, что может выражать собачий взгляд, но в этот миг я уловил в его глазах доверие ко мне и покорность. Он чуть вильнул хвостом и снова положил морду на лапы.

Ветеринар вернулся к своему столу.

— Решайте. Я советую его не мучить, — сказал он.

Я молчал, не в силах что-либо сказать.

— Самое лучшее не доводить его до мук, — продолжил ветеринар, — но решать вам.

— Как это неожиданно!..

— Такое всегда происходит неожиданно. Решайте. Это можно сделать прямо сейчас. Пес ничего не почувствует. Сначала мы его просто усыпим. Он просто заснет.

— Но это точно все так? — спросил я.

— Вот, результат из лаборатории. Вы можете пойти в другую клинику, но результат будет тот же самый.

Я стоял рядом с Элем и не мог смотреть на него.

— Да. Хорошо, — услышал я свой голос.

Ветеринар терпеливо дожидался моего решения.

— Сколько это будет стоить? — спросил я, чтобы просто что-то сказать и отвернулся к окну, пытаясь скрыть комок, подступивший к горлу.

— Это бесплатно, — ответил ветеринар и позвал помощницу из соседнего кабинета. — Это единственно правильное решение. Собаку не надо мучить.

Я слышал, как открывается дверь холодильника, как что-то шуршит, надламывается стекло, звякают какие-то склянки, что-то падает...

Я смотрел в окно на голубые просветы неба среди ветвей дерева.

— Подойдите сюда, — позвал ветеринар. — Вы можете попрощаться с ним. Погладьте его и он успокоится.

Я подошел к Элю, стал гладить его голову и встретился с его взглядом, спокойным и доверчивым. Боковым зрением я заметил руку ветеринара со шприцом, закрыл глаза и вдруг почувствовал, как Эль благодарно лизнул мне ладонь.

Вот, и вся наша жизнь с Элем. Эта история припомнилась мне теперь, этим летним вечером. Иногда думаю, почему я встретил Эля? Получается, чтобы дать ему спокойно умереть. Он умер не под забором и под дождем. Чутьочку добра он успел получить. Выходит, что так.

Не хочется ехать домой. Вечер уж очень хорош. Хочется «целую пятницу» растянуть как можно дальше. А можно ли, и вправду, остановить время? Однажды мне показалось, что можно. По крайней мере, я знаю, как сделать для этого первый шаг. Это очень легко. А нужно для этого просто-напросто самому остановиться. Например, идешь ты по делам, бежишь, несешься, возьми и остановись. Замри. Вглядишься во что-нибудь внимательно. Не думай ни о чем, просто наблюдай за тем, что происходит вокруг. Не важно, что это будет. Наблюдай за муравьем, да хоть за травинкой, которую чуть колеблет ветер. Самое главное в технике остановки времени — это остановиться самому и заметить мир вокруг себя. Все!.. Время начинается, когда мы начинаем движение, перестаем замечать что-либо вокруг себя и пробуем о чем-то думать.

Сейчас я так и сделал, снова повернул к морю, выехал на высокую дюну и остановился. Вот!.. Вот он миг вечности. Мир есть, а меня словно и нет в мире. Есть только тьма, огни кораблей на горизонте, свет звезд и тихий плеск волн. Как только я забыл о себе, не стало и времени.

Но долго стоять на одном месте не будешь. Вот оно — время, снова и затикало...

Справа на берегу я вижу скопление огоньков. Там стоят шатры летнего ресторана. Я спускаюсь к морю и еду вдоль берега к огням. Чем ближе подъезжаю, тем громче доносятся звуки саксофона и гитары. О, сегодня и живая музыка есть! Это то, что надо.

Под большим шатром людей довольно много, сюда приезжают целыми семьями. Между столами и лавками из толстых струганных досок бегают дети. Для них тут стоит большой ящик с игрушками.

Заказал себе пива, жареной рыбы с запеченной картошечкой и сел поближе к музыкантам. Интересный это народ. Люблю за ними наблюдать. Вообще, о музыке у меня есть свое, может и странное, но прочувствованное мнение. Для меня музыка — высшее проявление дружбы и любви. Ведь друг и любимый человек — это тот, с кем ты живешь в унисон. Каждый невозможен без другого, каждый заботится не о себе, а о том, чтобы звучание другого звучало как можно лучше. Не знаю, бывает ли такое в жизни, но в музыке все именно так и происходит.

Я так их заслушался, что забыл об ужине. В свете огней передо мной на столе целая картина — золотисто поджаренная картошечка, рыба и янтарное пиво в бокале. И все это на фоне ночи за раздвинутым пологом шатра. Эх, хорошая, все-таки, жизнь штука!

Ночь пьянит получше пива. Как хорошо сидеть, слушать музыку, чуть угадываемый за ней шум волн и людские голоса. Морской ветерок залетает сюда под своды шатра, чуть колышет их.

На берегу разожгли большой костер из толстых бревен. Видны его всполохи за пластиковыми окошками. Слушаю музыку, пью пиво и смотрю на все вокруг...

Мой дом встретил меня темными окнами. Но это дело быстропоправимое. Я открыл дверь, зажег свет во всех комнатах, даже на втором этаже, и вышел снова на дорогу полюбоваться. Красота!.. Вот, и в моем доме во всех окнах горит свет, и мерцают над ним звезды. А вон и спутник, кажется, что он не летит, а скользит по черной глади неба.

Я сел на ступеньки и прислушался к ночи. Как хорошо посидеть в темноте, глядя на звезды! Послушать далекий шум электрички и шелест березовой листвы на ветру.

Этот шум всегда напоминает те дни, когда в детстве наигравшись, с ребятами на поляне, подбегал в сумерках к дому и слышал из открытого окна кухни шкварчащий звук — мама жарила картошку или еще что-то. Этот звук я узнавал теперь в ночном, таком же шкварчащем шелесте листвы. А осенью так здорово слушать, как со звенящим гулом проносятся в ночном небе стаи гусей. Грустно тогда становится. Не могу понять почему, но грустно. Улетают птицы на юг. А ты остаешься. Это первое дыхание осени... И обещание суровой зимы.

Однажды я сделал для себя открытие. И заключалось оно в том, что надо почаще смотреть на небо, да и вообще на все грандиозное. Тут годится не только небо, но и море, горы. Если иногда вижу на горизонте облако в виде горы, то с легкостью представляю, что это действительно гора, и вся местность от этого преобразуется, становится новой, необычной. Сидишь, поглядываешь на эту «гору» и думаешь, а не подняться ли завтра вон на тот склон? И прикидываешь, сколько это займет времени. Нет, думаешь потом, далековато...

Смотреть на все грандиозное я люблю потому, что море, небо, горы служат масштабом, по сравнению с которым все мои тревоги, мысли и желания сразу кажутся мелкими и смехотворными. По этой же причине я люблю гулять по нашему местному кладбищу у моря. Смерть это беспредельная грандиозность, гораздо более глубокая, чем бездонное небо. Как хорошо на кладбище в летний жаркий день! Тенистые дорожки вьются между стволами деревьев, увитых диким виноградом. Пятна света колышутся на листве, на стволах деревьев, а над головой, среди ветвей, просветы голубого неба. В зеленом душистом сумраке тени горят огоньки ярких цветов, сюда доносится шум волн и голоса играющих на берегу детей.

Гуляя среди могил, видя овальные снимки людей ушедших в вечность, начинаешь задумываться — а что же есть в нашей жизни такое, что можно было бы противопоставить вечности и забвению? Ради чего стоит жить? Ради денег? Ради работы, которая, ох, как редко, соответствует тому, чем тебе хотелось бы заниматься? И даже удовольствия жизни кажутся мне здесь пустяками. Но что-то же должно быть. Думаю, если и есть в жизни что-то способное противостоять смерти, что-то столь же грандиозное и необъяснимое, то это любовь. И не важно, разделенная она или неразделенная. Какая разница. Она живет в нашем сердце.

2

Ну и жара!.. Эта мысль пришла в голову сразу же, как только утром раскрыл глаза. С пяти утра не мог заснуть. Как разбудил соседский петух, так и продолжал врываться в мои сны через каждые полчаса. Тоже, наверное, почувствовал приближение жаркого дня.

С треском и шипением разбил на сковородку два яйца и заварил кофе, быстро позавтракал и, прихватив книгу Хемингуэя, пошел на море. Выходя из калитки, краем глаза заметил, что пора бы уже покосить траву во дворе, но в такой сказочный день просто грех не поваляться у моря на теплом песочке. Не так уж много у нас тут в Прибалтике таких солнечных дней.

На пляже расположился на лавочке, в тени под ивой. Цвет у нее пронзительный, небесно-голубой. Мне всегда кажется, что это и есть цвет счастья. На лавочке никого нет, только девчонка, лет пяти, загорелая, как негритенок, играет в песке с ведерком и блестящими формочками. Кстати, я вспомнил, что она и вчера здесь была — пару раз сыпанула на меня песком, пробегая мимо.

Девчонка убежала за дюну, но вскоре вернулась, полизывая мороженое. Лопала она его до того сосредоточенно, что казалось, нет в мире дела важнее этого. Капая

мороженым себе на живот, она, прищутив один глаз, несколько минут смотрела на меня и, наконец, сказала:

— А я вчера тебя видела. И в другие дни тоже... Ты всегда тут рисуешь...

Я посмотрел на нее. Лет пять ей, не больше.

— Видела, говоришь?

— Да.

— Это что... Пустяки. Меня каждый может увидеть. А вот волшебницу ты видела здесь вчера? Она прямо тут на этой лавочке сидела. Вот, ее не каждый может увидеть.

Девчонка лизала мороженое и, казалось, не услышала меня.

— Я ее тут сто раз видела,— сказала она, наконец.

— Тогда тебе повезло! Взрослые их видеть не могут. Только дети. Эх, хотел бы я знать, какая она...

— Она хорошая...

— Ну, это-то понятно. А как она выглядела?

Мороженое теперь текло у девчонки и по локтю. Вот же поросенок!

— У нее золотые крылья и золотые волосы.

— Да, ты действительно ее видела. Я слышал, что волшебницы именно такие и бывают!

— У нее была золотая волшебная палочка и золотая волшебная книжка...

— Не много ли золота? А книжка большая или маленькая?

— Маленькая.

— Раз уж ты такая наблюдательная, я тебе сейчас эту волшебницу нарисую. Хочешь?

— Ага! — девчонка шмыгнула носом и присела рядом.

Ух, и нагрело же ее солнышко! Я прямо чувствовал, как тепло веет от нее...

Из кармана шорт достал блокнот, фломастер, они всегда со мной, и быстро набросал ей волшебницу, которую она только что описала.

— Похоже? — спросил я.

— Да. А ты дашь мне этот рисунок?

— Бери. Он твой.

Она взяла листок с рисунком и, ничего не сказав, убежала за дюну.

Полдня я провалялся на пляже. Девчонка как убежала, так и не появлялась больше. Поговорить с ней еще мне не удалось. А хотелось бы. Я ведь все больше один. И на работе не до разговоров. Бывают такие дни, что и словом ни с кем не обмолвишься.

Хорошо, что впереди отпуск. Я так его ждал! Теперь смогу спокойно рисовать, делать пастели у моря. Обычно у меня совсем не остается времени на рисование.

К обеду показались на небе грозовые тучи. Поднялся ветер. Погода у нас быстро меняется.

Пошел домой не прямо, а через станцию, чтобы в привокзальном магазине купить что-нибудь к ужину. И вот тут-то меня дождь и накрыл. Сначала потемнело, стало тихо и тут сразу, с треском и грохотом полило... И не просто дождь, а целый водопад с порывистым, шквальным ветром. Я успел забежать под большой навес станционного здания и увидел девушку, которую последнее время часто вижу тут по утрам. Она работает на вокзале, убирает территорию, подметает и все такое. Очень необычно в ней было то, что она всегда была потрясающе одета.

В своей необычной одежде, с метлой, или лопатой для снега, в руке, она выглядела как-то странно. Создавалось впечатление, что стояла себе девушка на перроне, ждала электричку, чтобы поехать потусить с друзьями, и тут ей вдруг говорят: вот тебе, детка, метла, нечего баловать, прибери-ка тут весь мусор на перроне... И пошла

она скрести в своей моднявой курточке и навороченных брюках. Только перчатки надела. Вот, такая она была, и каждый раз своим видом меня озадачивала.

Но сейчас она не работала, а просто, как и я, забежала под станционный навес, спасаясь от ливня. И одета сейчас была в простое платьице с цветочным узором, отчего показалась мне совсем девчонкой. Я ее и узнал-то не сразу. Глянуть на нее сейчас со спины, она в этом платье как школьница. Никогда прежде я так близко рядом с ней не оказывался. Все больше издали видел. Метет, скребет, и всегда у нее какая-нибудь новая сумочка через плечо, да не простая, какая-нибудь, а все больше экстравагантная, с вышивками, камнями. А один раз была даже с вплетенными веточками лозы и лисьим хвостом. И голоса ее тоже никогда не слышал и только подумал об этом, как зазвонил в ее сумочке телефон, она достала его и, отбросив от уха движением головы темные волосы, заговорила, но так тихо, что я и сейчас голоса совсем не расслышал.

Я чуть отошел и сделал вид, что разглядываю архитектурные детали нашей станции, но не удержался, снова взглянул на нее с самым равнодушным видом. Стрижка короткая — непокорные, искусно растрепанные темные волосы, а вот глаза не разглядеть за овальными солнцезащитными очками.

Дождь прекратился, и выглянуло солнце. Она пошла по дороге в сторону моря, обходя блестящие по краям лужи. И снова шумела на теплом ветру листва на деревьях, окатывая землю градом капель, и отражалось в лужах синее небо. Чудесный день, живи да радуйся, целый отпуск впереди, но от чего-то как-то грустно стало на душе.

Я зашел в привокзальный магазин, купил все, что было мне нужно, а потом, не спеша, шел по дороге домой. Шел, глядя себе под ноги, на асфальт, на мокрую ливневую, сорванную ветром.

Ничего не изменилось в мире. По-прежнему надо мной голубой простор неба, слышно, как шумит море... Я посмотрел на свою ладонь, солнце освещало ее, сжал руку в кулак и заметил на пальце мазок белой краски, так и не отмытой еще после работы.

Пришел домой, сунул продукты в холодильник, вышел во двор, окруженный лесом, и вижу, что дел полно. Я все откладываю, а делать-то их надо. Дожди вот-вот пойдут. Дрова надо сложить в сарай, щепы наколоть на зиму. Да и шишек надо набрать в пакеты, с ними легче потом котел растапливать. С этим тянуть не стоит. Зимой аукнется. Приходишь с работы затемно, метель метет, холод продирает, а ты видишь, что щепы нет для растопки. Ну и колешь полено, прямо там, в темноте под кружащимся снегом.

Но с другой стороны, отложишь топор, выпрямишься и помотришь в звездное небо над головой. Вдохнешь холодного воздуха, удержишь дыхание и прислушаешься к тишине и вдруг услышишь, как с тихим шепотком падают вокруг снежинки...

Я обошел вокруг дома, нашел под старой яблоней несколько подберезовиков. Очень кстати! С лучком пожарю. Неужели грибы пошли! Надо будет по лесу пройти, посмотреть. Подошел к окну и посмотрел через него в дом. Прежде я часто, делая что-то во дворе, подходил к этому окну, смотрел в него и видел маму. Я всегда видел ее через это окно. А теперь за окном темно...

Листва на яблоне замерла, светится на солнце. Корявые, поросшие мхом ветви тянутся к небу. Я помню, как в детстве читал на траве, именно на этом месте, «Мертвые души» Гоголя. Лето, солнце, я лежу под яблоней на расстеленном на траве одеяле. Передо мной лежит книга, я раскрываю ее, смотрю на заставку перед текстом — два мужика разглядывают бричку Чичикова. Я начинаю читать, переносясь в какой-то удивительный мир, а потом отрываюсь от чтения, оглядываюсь на наш дом и слышу голоса мамы, папы, старшего брата... Ощущаю, как солнце припекает сквозь

листву шею и плечи. Книга мне нравится. И нравится весь этот день, и шум моря, звуки голосов в доме, и я счастлив оттого, что все это будет всегда...

Грибов во дворе я больше не нашел. Быстро соорудил обед — салат да банка тушенки. Взял этюдник, планшет с парой листов грунтованного картона и пошел снова на море. Вот он, счастливый миг, — буду сегодня рисовать — рисовать — рисовать... Наконец, ничто мне не будет мешать.

Пошел я прямо через лес по старой тропе. Сейчас здесь редко ходят, и тропа немного заросла. Тут так получается, что куда ни пойдешь, все места связаны то с отцом, то с братом. А как иначе. Как же не помнить всего этого? Идя по этой дороге, люблю вспоминать, как ходили тут с папой. Сейчас точно такой же летний день, как тогда. Словно, действительно, нет времени, и я нахожусь в том же самом дне. То же самое небо над головой. Не похожее на то, а, именно, то же самое. Те же самые деревья по сторонам. Вот по этому сплетению корней на земле шли мы с отцом. Вон те ветви на огромном дереве были и тогда, в том далеком мире, который, оказывается, и был счастьем.

В последнее время, каждый раз, проходя по этой лесной дороге, я вспоминаю один день. Папа идет со мной по лесной дороге, под ногами я вижу шишки, серые бугры корней, а сбоку дороги, под еловыми ветвями, замечаю желтую сыроежку. После утреннего дождя в ее загнутой кверху шляпке собралась вода, и плавает в ней желтый березовый листок. Я присел возле гриба на корточках, потрогал пальцем желтый листок и маслянисто-скользкую шляпку сыроежки. Годы спустя я прочитал рассказ о такой же точно сыроежке, с плавающим в ее шляпке листком, у Михаила Пришвина. Но сейчас я вижу это впервые и зачарован крохотным озерцом в шляпке гриба.

Солнце садится, а оранжевые пятна света, наоборот, поднимаются по сосновым стволам, чтобы, добравшись до самых вершин, погаснуть.

Снова взяв папу за руку, я посмотрел на него снизу вверх и увидел, что он о чем-то думает.

Я прижался щекой к его руке и вспомнил, как весной умерла тетя Катя. Я сидел тогда на кухне и прислушивался к тому, что происходит за закрытой дверью, где лежала тетя, и услышал вдруг мамин крик. Мне тогда показалось, что в той комнате появилось что-то ужасное, и, увидев это, мама закричала: «Нет-нет-нет!»

За дверью послышалась возня, и мне снова показалось, что мама изо всех сил держит тетю Катю, чтобы не отдать ее тому страшному, что появилось в комнате... Но у нее не хватило сил. Мама вышла из комнаты заплаканная и оставила дверь открытой. В проеме двери я не видел кровать, но видел окно, а за ним в небе облако с ослепительно горящим на солнце краем...

На ветке дерева я заметил белку, и хотел было показать ее папе, но он вдруг остановился, отпустил мою руку и сказал:

— Что-то я устал. Ты пойдешь и сам поищи янтарь.

— Папа, я хочу с тобой.

— Я устал. Мы уже долго идем. Давай я возьму корзинку и пойду домой. А ты иди дальше сам.

Папа пошел назад, а я один побрел к морю, которое шумело за деревьями.

Оглянувшись, я увидел, как он уходит от меня. Я остановился и стал смотреть папе вслед, ожидая, что он оглянется, но он, то, попадая в полосу света, то заходя в густую зеленую тень, уходил все дальше и дальше и вскоре скрылся за поворотом. Он так и не оглянулся.

Я остался на дороге один и не мог понять, почему же папа так устал? Ведь я не устал ни капельки. И, словно желая доказать себе это, быстро взбежал на крутой гре-

бень дюны и там, с высоты, вдохнул всей грудью аромат шумящего моря. Радость охватила меня. Я не мог понять, что же такое случилось, отчего мне стало так хорошо. И вдруг понял — сегодня был тот редкий день, когда море пахнет арбузом. Двигаются по морю волны с белыми гребнями, веет душистой прохладой, и кажется мне, что передо мной совсем не море, а раскинувшийся во весь горизонт, прохладный, свежерезанный арбуз...

Когда вышел к морю, оно было совсем иным, не таким, как в моем воспоминании. С морем всегда так, оно каждый раз иное. Поэтому можно рисовать его каждый день и всегда будет новая, не похожая на прежнюю, картина.

После дождя на пляже пустынно. Вдали, со стороны заката, где сгустились тучи, чуть погромыхивает. Солнечные лучи пробиваются сквозь разрывы туч, бросают на волны золотые блики. Это мне очень даже нравится. Устроился на голубой лавочке, среди зарослей ивы и жесткой травы, выбивавшейся из песчаных взгорков.

Я быстро набросал линию горизонта, изогнутую дугу залива и контуры облаков. Пока работал, из-под гряды туч засветило краснеющее солнце. Теперь надо работать быстро, несколько минут — и все пропадет. Пастелью нанес на небо голубой, бирюзовый и розовый тона и быстро растер ладонью. Сине-пепельная масса туч тоже быстро растерта и по ее гребню сделал несколько росчерков золотисто-желтой пастелью. Получилось чуть резко, и я стер их краем ладони. Быстро нанес на море серо-зеленый тон, бросил на него пепельные рефлексы и быстрые удары солнечного света оранжевым мелком и охрой. Чуть стер их пальцем, чтобы стали они более размытыми, сияющими. И последний акцент — оранжево-красный удар заката и этим же тоном мелкие-мелкие блики по верхушкам пенистых волн.

Солнце ушло за горизонт, но и работа моя закончена. Сейчас трудно сказать, получилось или нет. Завтра, при дневном свете, увижу это ясно.

Я положил пастель в планшет и, посмотрев на берег, заметил девушку со станции. В шортах и майке она бежала вдоль берега. Подбежала к самой воде, быстро скинула одежду и в едва скрывающем ее тело черном купальнике побежала в воду. Я посидел еще немного, глядя, как она то появляется на волнах, то исчезает между ними. Стало уже темнеть. Поднялся ветер, зашуршала жесткая трава на гребнях дюн.

Девушка выбежала на берег, быстро и хитроумно переделалась, не прибегая к помощи раздевалки и снова в майке и шортах, одетых на голое тело, побежала дальше по берегу. Я долго смотрел ей вслед, пока она не исчезла в сумерках. Ну, что же, пора домой. Жаркий день позади. Впереди звездная ночь.

3

Обычно я перед сном читаю, но сегодня не хотелось. Я выключил свет и лежа стал смотреть в окно на звезды.

Вполне возможно, что я никогда так и не узнаю, что это за девушка и где она живет. Но одно я знаю точно — прямо сейчас над ней тоже горят эти же самые звезды, и летит вон тот самолет, помигивая огоньками на крыльях.

Березы за окном зашелестели в темноте. Если у нее открыто окно, то и она слышит шелест деревьев. И еще мне подумалось, что сейчас все как в детстве — окно открыто, за ним тьма и звезды, шелестит листва и лает где-то далеко собака. Осталось только поезду пронестись за лесом и стихнуть вдали.

И тут я вспомнил ночные полеты своего детства. Как давно я не вспоминал о них! А было это так.

Мне семь лет. Я лежу в постели, смотрю в окно на звезды и прислушиваюсь к ровному шуму моря. Сегодня хорошая ночь для полета.

Я закрываю глаза и вижу себя выходящим в наш двор, окруженный соснами, иду босиком по росистой траве, и поворачиваюсь лицом к своему дому. Так я стою несколько мгновений, но вдруг чувствую, что пора и развожу руки в стороны. На моей спине появляется невидимое мне, странное снаряжение для полета, которое подчиняется моей мысли, а на руках я вижу подобие крыльев. Я начинаю подниматься в ночное небо. Подъем медленный и это для меня важно, так как я должен увидеть сверху крышу нашего дома и должен увидеть море, но не для того, чтобы проститься с ними. Нет... Они нужны мне, как ориентир, к которому я поворачиваюсь спиной и смотрю теперь во тьму. Смотрю строго на юг, в сторону цели...

Я сжимаю кулаки и, почувствовав мощный рывок, тут же набираю чудовищную скорость. Ревущая тьма необозримых пространств несется подо мной и вокруг меня, и вдруг удар в грудь теплой воздушной волны, и я останавливаюсь высоко в небе. Я вижу теперь ясно свою цель. Я вижу Черное море. Оно блестит в лунном свете, качается подо мной, вздымается, дышит...

Я медленно опускаюсь на мелкие камешки берега, все еще хранящие тепло солнца. Бьют в берег волны, темнеет на фоне звезд гора, мерцают звезды...

Сегодня, спустя много лет, я вспоминаю свои ночные полеты детства. Вспоминается мне и то, что я никогда не возвращался назад домой. Это был всегда путь в один конец. Полеты эти для меня и сейчас тайна, и они вовсе не кажутся мне пустяком. Как много в них непонятного!.. Ведь воображение беспредельно, в мире фантазии все возможно. Так почему же я чувствовал на себе тяжесть снаряжения для полета, тяжесть, которая исчезала только при бешеной скорости? Зачем это было мне нужно?..

И еще тайна — почему я, живя у самого моря, видя его каждый день, в ночных полетах избирал своей целью всегда одно и то же — другое, далекое море? Что я хотел там найти? Пытаясь найти ответ, я снова вспоминаю стремительный полет, и потом себя, сидящего ночью, в одиночестве, на берегу моря. Почему мне хотелось быть там ночью? Что я чувствовал при этом? Может, счастье? Или радость, восторг?.. Нет, я не чувствовал ни счастья, ни радости, ни восторга. Никто меня здесь не ждал, и я тоже никого не ожидал здесь встретить. Да и не думал я тогда ни о каком счастье, потому что к счастью может стремиться только тот, кто несчастлив, а детство у меня было счастливым.

Дети не задумываются над своими действиями, они все еще близки к животным, а вернее — близки к природе. Они живут глубинными импульсами, и я, будучи ребенком, не давая себе в этом отчета, подобно птице в долгом перелете к родному гнезду, следовал безошибочному внутреннему навигатору, подчинялся единому со всем живым Закону и точно шел к цели.

И я снова вспоминаю, как сидел ночью у Черного моря, видел волны, звезды, горы, но не видел больше себя самого. На этом берегу я уже не имел значения. Я растворился в мире, и значение отныне имел только весь мир.

На этом ночном, безлюдном берегу я находил покой и чувство слияния, прозревая, что путь мой будет огромен, пролегать будет во тьме, и промелькнет, как один миг.

(Продолжение следует)

Игорь Нехамес
(г. Москва)

Писатель, поэт, журналист, адвокат. Закончил Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Кандидат исторических наук. Организатор, создатель и первый главный редактор московских газет «Вся жизнь в Лианозово», «Время Ростокино», «Свиблово», «Вся жизнь: спорт в СВАО», Всероссийской газеты «Вся жизнь».

Действительный член Академии российской литературы, автор пятнадцати прозаических и поэтических книг, член Московской городской организации Союза писателей России, сопредседатель комиссии по литературному наследию, член Высшего творческого совета при МГО СП РФ.

Множество публикаций в изданиях: «Литературная газета», «Новая газета. Понедельник», «Советская культура», «Неделя», «Учительская газета», «Вечерняя Москва», «Адвокат», «Миллионер», «Московский литератор», в журналах «Приокские зори», «Семья и школа», «Работница», в альманахе «Московский Парнас», в региональной печати Советского Союза и Российской Федерации.

Удостоен государственных и литературных наград, дважды лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова..

К 75-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой

СИЛА НЕНАВИСТИ

Деревенька Жилино приютилась неподалеку от большой деревни Крюково. Вроде ничем не примечательна — около сорока дворов, стояла она в окружении замечательного соснового бора. На краю — большой пологий холм, с вершины которого просматривалась вся округа. У подножия холма стояла изба семьи Богатыревых. Дед и отец ушли ополченцами защищать Москву, а мать, она же дочь деда, осталась с двумя детьми — четырнадцатилетней Любой и шестилетним Костиком.

Фашисты вошли сюда 21 октября 1941 года. Немного пограбили по домам, а потом здесь оставили штаб дивизии. Поэтому пять забитых коров да десятка два курей, насильно взятых у селян,— это был только маленький оброк, потому что кормить крестьянам нужно было почти двести захватчиков.

Гауптман собрал всех местных жителей на площади возле сельсовета, затем забрался на грузовик, брезгливо осмотрел толпу, состоящую из стариков, женщин и детей, и нахально сказал на хорошем русском языке:

— Я вижу, что вы все рады нашему приходу. Вот стоит ваш батюшка, а рядом с

ним пожилой мужчина, который держит хлеб-соль. Поэтому немецкое командование проявило к вам милость и оставляет вас всех жить в ваших домах. Вашу скотину больше никто забирать не будет. В каждом доме поселятся от трех до восьми доблестных солдат вермахта. Ваша обязанность — обеспечить им питание, уход и заботу. Те, кто будет ревностно служить немецкому рейху, обихаживая наших солдат, будет получать дополнительно скотину и корма. Если кто-то попытается встать на пути наших воинских частей или совершать диверсии, то мы их будем публично вешать. Также будем после каждого акта неповиновения забирать по десять детей для отправки в Германию. Все понятно?

Толпа угрюмо молчала. Матери в страхе и отчаянии прижимали к себе детишек, которые испуганно жались к ним, как цыплята к наседке.

Немец усмехнулся. Затем примирительно сказал:

— Сейчас подъедет немецкая кинохроника. У вас должны быть счастливые лица. Каждому ребенку раздадут по две советских конфетки. Мы уже захватили вашу фабрику «Красный Октябрь» и стоим на окраинах Москвы. Когда я дам команду, хлопнув два раза в ладоши, то вы должны улыбаться и радоваться встрече со своими освободителями от большевизма.

Несколько старушек зарыдали, услышав новость о том, что немцы, якобы, уже на окраинах Москвы.

Гауптман недовольно погрозил пальцем. Старушки расплакались еще сильнее.

Несколько солдат подошли к ним и бестрепетно выдернули из толпы, подталкивая за ближайший дом. Кто-то в толпе охнул:

— Сейчас расстреляют!

Гауптман рассмеялся:

— Их никто не тронет. Их только положат на землю и будут держать под прицелами автоматов.

Одна из старушек утерла слезы и попросилась обратно в толпу. Ее милостиво отпустили. Еще трое побрели к своим домам. Немцы их удерживать не стали.

Приехала машина кинохроники.

Немецкие солдаты начали бесцеремонно расставлять людей.

Немка с санитарной сумкой через плечо стала доставать из нее конфеты и раздавать ребятишкам.

Кинооператор увидел в толпе замотанную в платок четырнадцатилетнюю Любу Богатыреву и поманил ее пальцем. Девочка без опаски подошла к нему. Немец сдернул головной платок и светлые волосы рассыпались по плечам. Оператор довольно крякнул:

— Колоссаль!

Люба ответила ему по-немецки:

— Герр кинооператор! Я ведь все-таки фройляйн, и вы могли бы меня попросить снять платок. Я бы сделала это с изяществом и уважением к вам.

Немец остолбенел: здесь, в центре России, в глухой деревеньке он услышал родную речь, да еще она своим замечанием выставила его солдафоном — грубым и неотесанным.

Гауптман при помощи двух солдат спрыгнул из кузова грузовика и строевым шагом подошел к беседающим. По-русски обратился к Любе:

— Что случилось, крестьянка? Почему вы не выполняете указания достойного представителя немецкой кинохроники?

Люба смело посмотрела ему в глаза и нараспев сказала по-немецки:

— Герр гауптман! Я бы предпочла говорить с вами на вашем родном языке. По-русски вы говорите хорошо, но пусть здесь вы снова вспомните о родине.

Капитан довольно загоготал:

— Действительно, фройляйн! Я привык по-немецки отдавать только команды и, к сожалению, даже и о расстреле. А вы так хорошо говорите по-немецки, откуда это?

Кинооператор тактично отошел от офицера на несколько шагов и стал настраивать аппаратуру. Нацелил объектив на девушку и на капитана и кинокамера застрекотала.

Гауптман по-отечески поправил спутанные волосы девушки и вкрадчиво сказал:

— Фройляйн! Я, возможно, бестактен, беседуя с вами здесь, но я готов навестить вас дома, а может быть, даже и поселиться в ваших покоях.

Люба растерялась. В это время к немцу подскочил шестилетний Костик и сжал кулаки:

— Не смей трогать мою сестру!

Гауптман недовольно повернулся и хотел было пнуть мешающего его галантной беседе мальчонку. Но потом передумал, достал из кармана теплого плаща с подбоем небольшую шоколадку и протянул ее ребенку:

— Может быть, мы будем еще и родственниками, поэтому не кричи на меня.

И ослабилась, показав ровные белые зубы.

Люба тихонько шепнула брату:

— Костик! Возьми шоколадку и скажи по-немецки «спасибо»!

Тот понял, что сестра затеяла какую-то игру и подчинился:

— Данке шен, герр гауптман!

Затем он учтиво взял шоколадку двумя пальцами и стал ее внимательно рассматривать. Довольный гауптман потрепал его по голове, а кинооператор продолжил съемку.

Затем он направил кинокамеру на толпу, и все стали послушно улыбаться. Сделала это и мама Любы и Косика, потому что поняла, что немцам это надо для чего-то и, видимо, от послушания местных жителей будет зависеть будущее деревни.

Гауптман широко раскинул руки и со всей доброжелательностью, на которую он был способен, произнес:

— Я и вверенное мне подразделение по охране штаба дивизии благодарим вас, московиты, за проявленное к нам внимание.

В это время ему навстречу двинулись семидесятипятилетний местный житель Игнат и батюшка из храма, что в деревне Крюково. Его привезли сюда несколько автоматчиков и разъяснили, что он должен делать.

Батюшка вздохнул и произнес:

— На все воля Божья, и пока мы вам, супостаты, будем подчиняться.

Немецкий переводчик перевел так, что выходило, будто бы он готов принять новую власть. Кинооператор, радостно двигаясь по мерзлой земле, снимал и снимал. По его разумению, киноэпизод выходил удачный. Он отступил на несколько шагов, чтобы лучше было видно, как гауптман ломает каравай и макает краюшку хлеба в солонку.

Дед Игнат хотел было прошептать «жри, скотина, и подавись!», но вовремя сдержался, потому что понял, что если гауптман хорошо говорит по-русски, то реакция с его стороны может последовать самая непредсказуемая. И от покорности Игната во многом зависит судьба деревни Жилино.

Пожевав кусочек хлеба, гауптман запил стопкой водки и слегка скривился. Все жители внимательно наблюдали за его действиями.

Затем гауптман неожиданно обратился к людям:

— А вы довольны приходом немецких войск в вашу деревню?

Люба дипломатично ответила:

— Раз уж вы добрались и до нашей деревеньки, то, значит, войск у вас много, си-

ла ваша велика, и я уже даже видела семнадцать танков и три зенитных орудия. А сколько же идет еще и на Москву!

Гауптман покивал ей и добавил:

— Танковая армия Гудериана и почти шестьсот тысяч немецких солдат готовы промаршировать по Красной площади. Так что вы правильно говорите о мощи вермахта, Люба!

Съемка окончилась. Немецкие солдаты стали показывать жителям, чтобы они расходились. Гауптман взял присмирившего Костика за руку и подвел его к матери:

— Возвращаю вам вашего смелого малыша, но в следующий раз скажите ему, чтобы он был почтительнее с солдатами немецкой армии, а перед офицерами стоял навытяжку.

Костик обидчиво опустил голову.

Затем гауптман сделал знак двум солдатам, и они подошли к нему:

— Я расположусь в квартире этой доброй крестьянки. Думаю, что не будет возражать и фройляйн Люба. Возьмите мои вещи из кузова грузовика и отнесите в их дом. Я подойду позднее.

И он стал с дедом Игнатом договариваться: где и по сколько солдат разместят в крестьянских избах.

Валентина Никаноровна наклонилась к Костику и тихонько шепнула ему:

— Сынуля! Быстренько убери все фотографии дедушки и отца из горницы и из спальни. Заверни в холстину и спрячь в закуске в сарае.

Мальчик все понял и быстро побежал вперед.

Немецкие солдаты покорно тащили три огромных чемодана. Люба специально замедлила шаг и стала разговаривать с солдатами по-немецки. Ее внимание было им приятно, и все они с удовольствием переговаривались.

Валентина Никаноровна приостановилась, достала из большой холщовой сумки небольшой жбанчик с квасом и стала угощать солдат. Они пили из одного стакана и, радостно смеясь, благодарили «русскую матку».

Валентина Никаноровна подливала им и приговаривала:

— Жаль, что вы не будете у нас жить, я бы угостила вас и коровьим молоком.

Она специально затягивала время, чтобы Костик успел выполнить ее поручение.

Не спеша дошли до избы Богатыревых. Костик встретил их у ворот в угодливом поклоне. Зашли через калитку. Немцы поднялись на крыльцо и поставили чемоданы у дверей. Спустились с крыльца, отошли на несколько шагов и с наслаждением закурили. Минут через десять подошел гауптман. Он хмуро спросил одного из солдат:

— Почему не занесли вещи в дом?

Солдаты ответили, что не знают, в какой комнате остановится герр гауптман.

Капитан похвалил их за исполнительность и добросовестность. Он обратился к Любе на немецком языке:

— Фройляйн, ведите меня в свои покои и выделите мне комнату.

Люба подумала, что лучше всего поселить капитана в горнице, а они продолжали бы жить в спальне и детской.

Гауптману горница понравилась. Он даже несколько раз подкинул одну из трех подушек, лежащих на широкой железной кровати.

Солдаты стали споро распаковывать чемоданы.

Валентина Никаноровна принесла и показала на стоящее в коридоре оцинкованное ведро, прикрытое фанеркой. И, чуть смущаясь, объяснила, что туда можно оправляться. Немец удовлетворенно покивал головой. В туалет на улицу он ходить не собирался.

Затем он прошел и внимательно обследовал всю избу. Второй солдат ходил за ним следом.

Осмотр закончился. Гауптман прошел в кухню и попросил Валентину Никаноровну покормить его. Стараясь умаслить квартиранта, Валентина Никаноровна выстала и отварную картошку, и рыбу, и разносолы. А также поставила и графинчик водки.

Гауптман приказал солдатам поселиться в соседнем доме, метрах в тридцати от избы Богатыревых. А сам приступил к трапезе. Ел он молча, а Люба и Валентина Никаноровна стояли в дверях и наблюдали за ним.

Поев, гауптман представился на русском языке:

— Меня зовут Фридрих. Фамилия моя Паульсен. Когда нет немецких солдат, можете обращаться ко мне «герр Фридрих». При солдатах называйте только «герр гауптман». Сейчас пусть мать помоев меня, и я лягу отдыхать. Никаких посторонних в доме быть не должно. Если кто-то из вас что-либо у меня возьмет посмотреть или украдет — расстрел на месте. Если я вас сам не позову — меня не беспокоить. Я люблю играть в лото и разрешу вам составлять мне компанию. Мои сапоги будут стоять снаружи у дверей горницы. Они всегда должны быть помыты и начищены. Также вы должны заботиться о безупречном виде моего мундира и моего плаща и ежедневно стирать мое нижнее белье.

Валентина Никаноровна потемнела от обиды, но сдержалась: немцы начали устанавливать свои порядки.

Вечером, когда стемнело, гауптман проснулся. Он прошел в кухню в кальсонах и в майке и потребовал хорошего ужина, как днем. Валентина Никаноровна достала олады, огурчики и поставила подкипать самовар.

Высокий и худощавый Фридрих съел и приготовленное ему, и то, что оставляли себе на ужин Богатыревы. Затем ему захотелось играть в лото. Он проиграл около трех рейхсмарок и небрежно сдвинул монеты Любе. Время от времени он похотливо поглядывал на девушку.

Валентина Никаноровна глазами показала Любе, что если он прикоснется к ней, то мать разmozжит топором ему голову. Но немец повел себя тактично:

Он предложил Любе выйти из комнаты, а сам обратился к матери:

— Мне нравится ваша дочь. Я — молодой мужчина, не женат, мне двадцать шесть лет, в ноябре меня произведут в майоры, а в декабре, когда захватим Москву, дадут подполковника. Я — выгодный жених.

Валентина Никаноровна помолчала и сказала:

— Когда будете подполковником, тогда продолжим этот разговор.

Немец обиженно надулся:

— Я могу сейчас изнаsilовать вашу дочь в вашем присутствии и в присутствии ее брата. Лучше договориться сейчас вдвоем.

Валентине Никаноровне в голову пришла спасительная мысль:

— А что, так невенчаные и начнете семейную жизнь?

Немец задумался:

— Ну, если для вас так важен этот обряд, то я согласен на него и даже дам выкуп за вашу дочь. Что предпочитаете: рейхсмарки, золото?

Валентина Никаноровна попросила:

— Господин Фридрих Паульсен! А можно, мы батюшку позовем — Люба сбегает. А он уже скажет, с какого возраста можно выходить замуж.

Капитан благосклонно кивнул в ответ.

Мать вышла к Любе и уже через минуту хлопнула входная дверь.

Батюшка еще не уехал к себе в храм в Крюково. Он откликнулся на просьбу Любы.

Немец милостиво разрешил батюшке сесть и по-русски поинтересовался:

— Ответьте мне на три вопроса. Можете коротко отвечать «да», и мы назначим дату венчания.

Батюшка вопросительно посмотрел на Валентину Никаноровну, увидел боль в ее взгляде и неопределенно покивал головой.

Немец взял ситуацию под свой контроль:

— Вы проводили когда-нибудь венчание?

Батюшка хотел сказать, что с супостатами никогда не проводил и проводить не собирается, но решил сдержаться и односложно ответил: «Да».

— Сколько времени нужно на подготовку обряда венчания? — продолжил гауптман.

— Недели две-три, — ответил батюшка.

Немец недовольно поморщился, но по его лицу было видно, что он согласен.

— Покров уже прошел, свадьбу играть можно, — встряла Валентина Никаноровна.

Немец поощрительно улыбнулся Валентине Никаноровне: похоже, дело слаживалось.

И он задал последний вопрос:

— С какого возраста у вас можно вступать в брак по светским и церковным законам?

Батюшка встал и твердо ответил:

— Предельно низкий возраст — пятнадцать лет. До этого периода девушка считается еще ребенком.

Ответ немного расстроил капитана. Он побарабанил пальцами по столешнице, а потом вдруг попросил-приказал:

— Принесите мне метрику Любы.

Валентина Никаноровна охнула, но перечить не посмела.

Немец внимательнейшим образом изучил свидетельство о рождении и сказал:

— 10 декабря 1926 года. Значит, свадьбу назначаем на следующий день.

Потом уточнил:

— До этого периода я вашу дочь трогать не буду и даже целовать не буду. Но чтобы она себя блюла.

Батюшка усмехнулся:

— Господин капитан! Где у нас тут молодые-то мужики есть? Так что верна-то она вам будет, раз уже сговорились.

Валентина Никаноровна в страхе посмотрела на батюшку и увидела лукавинку в его глазах. Это ее успокоило и она только поклонилась немцу.

А тот встал и молча вышел из кухни.

Люба сидела в спальне и горько плакала: ее судьба решалась без нее.

Минут через 15 немец вышел из своей комнаты и укрепил на косяке входной двери дощечку с колокольчиком. Один конец длинного шнурка он продел в специальное кольцо, а провел в комнату. Позвал хозяйку и показал ей:

— Я дергаю один раз — ко мне приходите вы. Два раза — Люба. Три раза — ваш маленький сын. Если дергаю четыре раза, вы приходите все вместе. Он зашел в свою комнату и дернул шнурок. Колокольчик громко зазвонил. На звук вышла Люба, вытирая слезы. Довольный, Фридрих ушел к себе в комнату.

Люба приобняла мать за плечи, отвела ее на кухню и тихонько прошептала:

— Вот так, мамочка! Ты, знатная колхозница, и я, ученица 7 класса, отличница, стали слугами.

Опять раздался звоночек. Валентина Никаноровна пошла в комнату к немцу, через несколько секунд вышла с потемневшим лицом и яростно зашептала Любе:

— Он требует, чтобы я его мыла. Всего!

Люба застыла в отчаянии. Потом выдавила из себя:

— Мама! Ты же Костика-то купаешь?

Мать тяжело вздохнула и пошла греть воду.

После помывки фашиста Валентина Никаноровна долго не могла успокоиться: это была моральная пытка.

Из-за закрытой двери раздавался храп.

Валентина Никаноровна обиженно прошептала:

— Слава Богу! Уснул, немчура.

Люба в это время прилаживала к двери своей спальни еще одну щеколду — мало ли что еще втемяшится немцу в голову?!

В пять утра следующего дня раздался звонок — Фридрих Паульсен требовал к себе Валентину Никаноровну.

Она быстро набросила на себя халат и со спутанными волосами зашла в комнату к немцу. Тот отрывисто приказал:

— Через десять минут я должен кушать, а вечером приду около семи часов.

— Куда же вы, батюшки-светы, Фридрих?

Гауптман значительно посмотрел на нее и ответил:

— Мы будем строить один объект, и я буду там руководить.

Валентина Никаноровна деланно выказала ему свое восхищение, что очень понравилось немцу. Он решил, что повысил свой авторитет в глазах простой русской крестьянки.

По 6 ноября 1941 года Фридрих уходил очень рано и возвращался уже затемно. Немцы работали как проклятые.

Валентина Никаноровна привыкла к такому режиму дня немца. Смирилась она и с его ежедневными купаниями.

Любу он будто бы не замечал, а малышу иногда давал конфетку или шоколадку.

Костик односложно говорил «данке шен», брал подарок и убегал в комнату к матери.

Фридрих Паульсен смотрел ему вслед и негромко говорил сам себе:

— Ничего, и этого дикарчонка приручим.

Днем 7 ноября 1941 года гауптман вышел из дома в сопровождении трех солдат. Валентине Никаноровне и ее детям приказал на улицу не выходить. Вечером в окно постучала испуганная соседка и сообщила, что в деревне Крюково взорвали три немецкие автомашины и погибло несколько солдат из шоферской obsługi и охраны.

Едва соседка ушла, пришел злой гауптман и сходу спросил:

— Вы ничего не знаете?

Люба ответила ему на немецком языке, что они были дома, как приказал гауптман, а к ним никто не приходил.

Немец подумал-подумал и рассказал о произошедших в Крюково событиях.

— Некоторые ваши жители, Валентина Никаноровна и Люба, не хотят честно служить Германии, их все равно найдут и расстреляют, а лучше — повесят. Если что-то произойдет у нас в деревне, то мы расстреляем десять взрослых, а десять детей пошлем в Германию.

Валентина Никаноровна охнула и стала мелко-мелко креститься.

Довольный произведенным эффектом Паульсен снял в коридоре сапоги и в носках прошел в комнату. Перед тем как закрыть дверь, он кивнул Валентине Никаноровне: мол, помой и почисть сапоги.

Пришлось выполнять приказание.

Режим охраны вокруг деревни Жилино усилился. Как поняла Люба, объект достраивали, а потому немцы не хотели излишней огласки.

Люба решила во что бы то ни стало узнать, что это за объект. Вечером 10 ноября 1941 года она попросила разделить трапезу вместе с гауптманом. У немца было хорошее настроение и он милостиво разрешил. Подавала на стол Валентина Никано-

ровна. Костик стоял в дверях и с обидой смотрел на сестру и на немца. Тот вальяжно махнул мальчику рукой, чтобы и он сел за стол.

Подав блюдо, Валентина Никаноровна тоже пристроилась на табуретке у края стола. Немец пил рюмку за рюмкой и философствовал:

— Великая Германия совсем скоро пройдет парадом по Красной площади. Потом война закончится. Советы мы выбросим за Урал. Я буду здесь большим человеком — землевладельцем. Мне нравится ваша чистоплотная семья, ваша исполнительность и ваша готовность служить нам, арийцам. Люба, откуда ты так хорошо говоришь по-немецки?

Люба простодушно отвечала:

— Сама не знаю, герр гауптман. Во втором классе нашла немецкую книжку с русским переводом и стала читать. Мама привела меня к учительнице немецкого языка. Та сказала, что у меня большие способности и начала со мной заниматься.

За каждые два месяца мы отдавали ей курицу. А уже в четвертом классе, когда по школьной программе стали изучать немецкий язык, у меня были одни пятерки. В апреле 1941 года я ездила на областную языковую олимпиаду в Москву. Там я получила золотой жетон победителя и двухтомник немецкого поэта Генриха Гейне.

Люба попросила у немца разрешения отлучиться на минуту и возвратилась обратно с жетоном, Похвальным листом и двухтомником немецкого поэта.

Фридрих Паульсен заинтересовался. Внимательно посмотрел грамоту, перелистал книги.

Люба предложила:

— А давайте я вам почитаю наизусть несколько стихотворений?

Немец благосклонно кивнул.

Люба читала самозабвенно, с увлечением. Прочитала пять или шесть стихотворений подряд. Фридрих Паульсен с восхищением смотрел на нее. А потом сказал:

— Когда ты выйдешь за меня замуж, ты станешь гражданкой великой Германии. Твоя мать получит вид на жительство, как и твой младший брат. А сейчас, Люба, я пью за твое здоровье. Прозит!

Он выпил рюмку до конца и как-то сразу опьянел.

Валентина Никаноровна и Люба еле дотащили его до кровати. Он упал и захрипел. Люба увидела, как из планшета торчит небольшая записная книжка. Она тихонько вытаскала ее, выключила свет в комнате и осторожно вышла. Затем взяла карандаш и начала быстро перерисовывать схемы, которые увидела в записной книжке. Мать стояла возле дверей в горницу и внимательно вслушивалась в храп Паульсена.

Через двадцать минут Люба закончила свою работу. Осторожно зашла в горницу и положила записную книжку в планшет точно также, как она лежала раньше.

Потом быстро оделась и сказала матери:

— Я скоро вернусь.

Сложенные листы со схемами она спрятала в валенок под стельку.

Минут через сорок она вернулась веселая и довольная.

Мать не спрашивала у Любы, куда она ходила и зачем. Она поняла, что этого ей лучше не знать.

Через три дня прилетели бомбардировщики с красными звездами на крыльях и начали скидывать бомбы на край леса, где велось строительство. После бомбежки, спустя некоторое время, пятеро немцев принесли гауптмана; его контузило. А несколько солдат были убиты.

Валентина Никаноровна и Люба поочередно ухаживали за Фридрихом Паульсеном, а в коридоре неотлучно находился и спал на полу немецкий солдат.

Два раза в день из Крюково привозили доктора, потому что Фридрих Паульсен

категорически отказался лечиться в госпитале. Доктор внимательно осматривал больного и каждый раз все более оптимистично говорил:

— Зер гут! Зер гут!

Действительно, дело шло на поправку.

Хотя гауптман и болел, но время от времени приходил в себя и требовал продолжения стройки. Немецкий солдат убегал передавать его приказания, а потом возвращался обратно.

25 ноября вечером раздался звонок. Валентина Никаноровна опрометью бросилась в горницу. По комнате прохаживался гауптман, и его молчание было зловещим. Он спросил:

— Люба и ты ни с кем не общаетесь?

Трясаясь от страха, Валентина Никаноровна упала перед ним на колени и испуганно зашептала:

— Нет, нет! Мы ни с кем не общаемся! Дом, скотина во дворе — вот наши маршруты.

Видя такую покорность, немец слегка смягчился, но проговорился:

— Мои солдаты видели человеческие следы недалеко от вашего дома. Он стоит на отшибе. Не приходили ли сюда партизаны?

Валентина Никаноровна заохала:

— Да разве ж такое может быть? Какие партизаны! Мы никому не нужны и нам никто не нужен!

Но немец оставался задумчивым. Неожиданно он взял шнурок и дернул два раза, требуя Любу. Девушка пришла без промедления.

— Люба! Ты можешь подтвердить слова матери?

— Какие? — удивилась Люба.

— Как проходили твои дни, когда я был занят на стройке или болел?

Люба ответила слово в слово, как раньше говорила мать.

Немец сел на стул. Опять помолчал.

Люба подошла к нему, прижала его голову к своей груди и поцеловала в щеку:

— Фридрих! Милый мой! Я так рада, что ты выздоровел! Не мучь себя напрасными подозрениями, эта бомбежка не смогла отобрать тебя у меня. Осталось пятнадцать дней до того момента, когда я полностью растворюсь в твоих объятьях.

Фридрих улыбнулся и пригласил всех на кухню ужинать.

Он принес бутылку шнапса, но Люба решительно убрала ее со стола и отнесла обратно в горницу. Гауптман опешил:

— Ты что себе позволяешь, Люба!

Но Люба не испугалась:

— Больным после контузии пить нельзя. А будешь спорить, я разобью бутылку!

Гауптман рассмеялся, а потом спрятал правую ладонь Любы в своих руках:

— Валентина Никаноровна! Впервые я слышу слова участия с того момента, как мы пересекли большевистскую границу и вступили в советскую Россию! Я очень ценю это. А Люба стала уже настоящей хозяйкой. Как сообщали мои солдаты, объект почти не пострадал, так как был хорошо замаскирован. Завтра я снова выхожу на работу, и к 1 декабря мы его закончим. А потом начнутся боевые дежурства.

Валентина Никаноровна вроде бы по простоте душевной спросила:

— А что вы там такое строите? Овощехранилище?

Гауптман рассмеялся ее глупости:

— Я, выпускник Берлинского университета, разве могу строить какое-то овощехранилище? Я руковожу строительством долговременного огневого сооружения. Это будет настоящая твердыня, которая на три километра не позволит никому наступать на деревню Жилино.

Преданно глядя ему в глаза, Валентина Никаноровна и Люба восхищенно закивали головами.

Немец потерял осторожность и начал рассказывать, как они обманут глупых русских: некоторые бойницы этого сооружения на самом деле являются ложными, но стрельба организована таким образом, что все находится под наблюдением.

Он потребовал, чтобы Люба подошла к нему, и поцеловал ее в голову.

Валентина Никаноровна заохала, а Люба разыграла смущение.

Фридрих Паульсен встал и сказал, что пойдет спать.

Минут через десять Валентина Никаноровна подошла к дверям, чтобы взять сапоги и пойти мыть их. Ее встревожило то, что Фридрих храпел как-то ненатурально.

Прямо с сапогом в руке, она прошла в спальню к Любе, которая было начала одеваться, и помахала сапогом, что означало: разденься, ляг спать, никуда не вздумай уходить!

Люба все поняла и уже через минуту лежала в кровати.

Валентина Никаноровна помыла и почистила сапоги и поставила их у дверей горницы.

Вдруг дверь бесшумно открылась, и она увидела одетого в форму немца. Фридрих Паульсен держал в руке пистолет и показал ей следовать впереди него.

— Где твоя дочь? — сдавленным шепотом спросил Фридрих Паульсен.

Валентина Никаноровна молча показала на дверь спальни. Немец недоверчиво посмотрел на нее и глазами приказал открыть дверь. Валентина Никаноровна подчинилась.

Люба лежала в кровати и спала.

Немец разочарованно вздохнул, повернулся и на цыпочках пошел к себе в комнату.

Валентина Никаноровна поняла, что он в чем-то подозревает Любу.

Даже мать не знала того, что после победы на олимпиаде по немецкому языку с Любой разговаривал один из организаторов олимпиады, как он представился. Он предложил Любе пройти специальные ускоренные разведывательно-диверсионные курсы.

Дело в том, что предвоенная ситуация требовала подготовить подростков, хорошо владеющих немецким языком, для разведывательно-диверсионной работы: собирать сведения, уметь незаметно передавать их, в случае необходимости заложить мину.

Летом Люба уехала в Москву в пионерско-комсомольский лагерь. На самом деле она училась в специальной разведывательно-диверсионной школе в районе Ростokino.

Домой она привезла грамоты за победы в волейбольных и баскетбольных соревнованиях. На самом деле никаких соревнований не было, а награды давались для прикрытия.

Сотрудники разведшколы даже не предполагали, что немцы так быстро дойдут до Москвы, а законспирированная агентура должна будет приступить к работе.

Волею случая получилось, что деревни Крюково и Жилино стали узлом обороны врага, хорошо укрепленными. А Люба, согласно легенде, должна была разыграть из себя девочку, которой нравится все немецкое. Никто не знал того, что взрыв в деревне Крюково организовала и провела Люба. Немцы сбились с ног, разыскивая партизан.

Люба лежала в кровати с закрытыми глазами и все думала: почему вдруг гауптман стал подозревать ее? Она тщательно перебирала минуту за минутой, час за часом, раздумывая: где же она могла допустить ошибку?

Но так и не найдя ответа, уснула.

Следующие четыре дня она вела себя очень-очень осторожно. Выходила во двор кормить скотину, тут же возвращалась обратно и хлопотала по дому. В последний день ноября, когда она вышла во двор, то вдруг услышала треньканье синички. Она

обернулась на звук и вдруг увидела отпечатки своих валенок на снегу. Страшная мысль пронзила ее: еще год тому назад, чтоб ее валенки не скользили, отец прибил к ним резиновые набойки. И, возможно, когда она шла по первоснегу затемно утром 7 ноября в Крюково, следы частично остались. Неужели ее выследили?

В глубокой задумчивости Люба возвратилась обратно. Вдруг она услышала, как со стороны деревни раздались крики. В одном из домов начался пожар. Люба быстро накинула платок, запахнулась в телогрейку и со всех ног кинулась туда. Костик она наказала оставаться дома.

Вокруг горящего дома сгрудились жители деревни Жилино и громко охали: в избе оставалась старая бабушка и двое маленьких детей.

Люба немедленно кинулась в дом. Старая женщина сидела в сенях обессиленная. К ней прижимались мальчик и девочка трех и четырех лет. Люба вытолкнула детей, и они кубарем полетели с крыльца. Жители подхватили плачущих и кричащих ребятшек, а старушка была уже почти в бессознательном состоянии.

Люба быстро сняла свои валенки с ног и бросила их в горящее пламя. А сама в длинных вязаных крестьянских носках из овечьей шерсти, подхватив бабушку, вырвалась наружу.

Несколько еще не старых женщин кинулись им навстречу. Люба сошла с крыльца и потеряла сознание. Сердобольные жители довели Любу до ее дома. Иногда сознание возвращалось к Любе и она делала несколько шагов, но потом опять впадала в забытьё.

Навстречу ей кинулась Валентина Никаноровна. Девочку занесли домой и стали отпаивать от угара клюквенным морсом. Постепенно Люба пришла в себя.

Мать случайно посмотрела на ее ноги и закричала:

— Люба! Где твои валенки?

Сознание вернулось к Любе, но она притворилась непонимающей и стала закрывать глаза. Односельчанки стали рассказывать Валентине Никаноровне, какая у нее героическая дочь и что если бы не ее смелость, то детишки и их бабушка сгорели бы заживо. Да, теперь они погорельцы, дома у них нет, но зато остались живы.

На другом конце деревни жили родственники этой семьи, и они сказали, что обязательно возьмут пострадавших к себе.

Костик расплакался:

— Люба! Как же ты без валенок почти километр шла по снегу?

Люба старательно играла: мотала головой, строя из себя непонимающую.

Теперь улик против нее не осталось.

Кто-то из немецких солдат сообщил гауптману о произошедшем в деревне. Тот прибежал в избу к Богатыревым и увидел такую картину: Люба лежит в спальне, а Валентина Никаноровна сухой варежкой растирает ей ноги. Какими бы ни были теплыми шерстяные носки, а все равно девушка слегка поморозилась.

Немец принес бутылку шнапса. Мать и Люба в ужасе замахали руками. Но немец взял чашку, плеснул туда шнапса, затем вырвал из рук Валентины Никаноровны варежку, обмакнул ее в чашку и стал растирать ноги девушки. Постепенно в ногах появилось покалывание, и Любе стало чуть-чуть легче. Ей снова давали клюквенный морс, а потом заварили крепкий чай.

Потрясенный поступком девушки, немец принес две банки тушенки, открыл их и галантно сказал:

— Ешьте, фройляйн! Если бы вы спасли немецких солдат, а не этих недоносков, то фюрер наградил бы вас железным крестом.

Люба съела несколько ложек тушенки, потом выпила крепкий чай и впадала в забытьё.

В себя она пришла только 3 декабря 1941 года. Возле кровати сидел Костик, а на стоящей рядом табуретке стояла банка с теплой водой. Время от времени Костик протирал ей лоб и лицо, а также руки. Температура спала, молодой организм победил болезнь. Любу уже почти не знобило, но во всем теле была слабость.

Со двора вернулась Валентина Никаноровна и радостно заохала, увидев пришедшую в себя дочь. Она приготовила ей куриный бульон и заботливо начала кормить дочь из ложечки.

Уже 4 декабря Люба могла сидеть на кровати и дрыгать ногами — они не болели.

Люба осторожно надела носки и решила пройтись по спальне. Ее не тошнило и не покачивало. Девушка поняла, что уже здорова.

А 5 декабря, днем, Костик принес ошеломительную новость: началось контрнаступление под Москвой. Издалека доносилась глухая канонада, немцы стали раздражительными, люди лишний раз старались не показываться им на глаза.

Рано утром 6 декабря в спальню зашел Фридрих Паульсен.

Люба натянула до горла одеяло, ей показалось, что немец хочет овладеть ею. А она была только в одной рубашке.

Гауптману понравилась ее решительность отстаивать свою невинность, и он раскатило рассмеялся:

— Не бойся, Люба! Я не сделаю тебе ничего плохого! Я пойду пока на службу, отстреляем проклятых русских, а потом я вернусь к тебе 10 декабря, и мы сыграем свадьбу.

Испуганная Люба согласно кивала ему в ответ.

Он ушел к себе в дот, захватив с собой несколько солдат.

А вечером 6 декабря 1941 года несколько солдат Красной Армии вошли в деревню.

После небольшого боя немцы отступили. Но неожиданно из дота раздались пулеметные очереди: наши солдаты были ранены.

Рано утром 7 декабря уже целое подразделение Красной Армии было в Жилине. Раненых солдат, наскоро перевязанных местными жителями, увезли в госпиталь. Благодарение судьбе, они все остались живы.

Попробовали стрелять из орудия по доту. Но эффекта это не дало. Как только солдаты пытались подняться в атаку, немецкий пулемет начинал бить снова и снова. Подобраться к доту было невозможно.

К вечеру 7 декабря командир подразделения Красной Армии пришел в избу Богатыревых.

Его напоили чаем, угостили шанежками. Валентина Никаноровна сказала, что у них был на постое немецкий офицер. Но не это интересовало командира. Он не знал, что делать с этим взбесившимся дотом. И вдруг Люба сказала:

— Я пойду и расправлюсь с ним!

Она сноровисто начала чистить картошку и наварила целую кастрюлю. Потом опрокинула в кастрюлю содержимое банки немецкой тушенки, сверху посыпала укропом и репчатый луком. Закутала кастрюлю в полотенце, взяла с собой краюху домашнего хлеба и, надев мамины валенки, пошла к доту. Она шла спокойно и размеренно по просеке, чуть-чуть оскальзываясь, потому что валенки были ей великоваты.

Солдаты напряженно всматривались в уходящую фигуру. Укутанная в красный платок девушка бесстрашно шла вперед. Шла она медленно, часто останавливалась, потому что сил было еще недостаточно. Над ее головой раздалась пулеметная очередь, но она упрямо шла вперед. Больше не стреляли.

Люба подошла почти вплотную к доту и носком валенка стала бить в бронированную дверь. Время от времени она голосила:

— Фридрих, миленький, открой! Я тебе кушать принесла!

Ответом ей было молчание.

— Фридрих, если я оставлю еду у дверей, то все замерзнет. Пусти меня, я тебя покормлю! Это я, Люба Богатырева, твоя невеста!

Неожиданно дверь заскрипела. Едва Люба успела сделать два шага назад, как дверь открылась. Оттуда вытянулась длинная рука и втащила Любу внутрь. Затем дверь вновь закрылась.

Она увидела заросшее щетиной лицо Фридриха и лихорадочный блеск в его глазах. Он молча стал осыпать ее поцелуями, а она безвольно стояла, прижимая к телу хлеб и кастрюлю с картошкой.

Рассудок вернулся к немцу. Он легко приподнял Любу и спустил ее по ступенькам внутрь дота. Она увидела подобие стола, подошла и поставила кастрюлю. Затем развернула краюху хлеба, освободила кастрюлю от полотенца и подняла крышку. Аромат разнесся по всему доту и мгновенно забил смрадный запах в помещении. Немец открыл рот от удивления, а Люба достала из тряпицы большую ложку, нож и показала немцу, чтобы он начинал есть. А сама взяла нож и стала резать хлеб.

Потрясенный произошедшей переменой в его жизни, немец с набитым ртом, с куском хлеба в одной руке и с ложкой в другой, восторженно мычал:

— О, майн гот!

Люба улыбнулась ему и бестрепетно вонзила в шею нож.

Удивление отразилось в глазах фашиста, а она все проталкивала и проталкивала нож глубже.

— Вот так-то, герр гауптман! — громко сказала Люба.— Получил себе русскую невесту?

Немец упал. Он попытался выдернуть нож и ему это удалось. Но тут же кровь хлынула из развороченной шеи, он несколько раз дернулся и затих.

Люба обернулась, почти что в темноте нащупала ступеньки и поднялась на площадку. По какому-то наитию она дернула за нужный рычажок, и дверь медленно, со скрипом, начала открываться.

Невысокая худенькая девочка в телогрейке стояла в проеме и смотрела вниз на просеку. Потом она догадалась, сдернула с головы красный платок и начала размахивать им, крича:

— Победа!!!

Ответом ей было громогласное «ура!».

Когда, светя мощными фонариками, красноармейцы вошли внутрь дота, то перед ними предстала страшная картина: на самодельном столике стояла кастрюля с картошкой и тушенкой, а на полу с растерзанной шеей лежал немецкий офицер, возле которого валялся окровавленный нож.

Командир подошел к Любе приобнял ее за плечи и спросил:

— Как ты смогла это сделать, девочка?

Люба, не оборачиваясь к нему, сдержанно ответила:

— Фашисты к Москве не пройдут!

А 8 декабря 1941 года Красная Армия освободила и деревню Крюково.

Накануне нового, 1942, года 14-летняя Люба Богатырева была награждена орденом Красной звезды.

До 1955 года она жила в родной деревне. Замуж выйти не могла: ее очень боялись парни и молодые мужчины, когда она внимательным и суровым взглядом смотрела на очередного ухажера и спрашивала:

— И что тебе надо?

В 1955 году она уехала на целину и стала работать там председателем колхоза. Дальше следы героини этого рассказа затерялись.

И СОБАКИ ЗАЩИЩАЛИ СТОЛИЦУ

Бывают встречи, которые запоминаются на всю жизнь. Пять лет тому назад, осенью 2011 года, я находился на лечении в Московском областном госпитале для ветеранов войн, что рядом с деревней Жилино Солнечногорского района.

По вечерам в рекреации собирались пациенты — участники и ветераны Великой Отечественной войны, люди средних лет, исполнявшие интернациональный долг в различных точках земного шара.

Всеобщим уважением пользовался Петр Викторович из Серебрянопрудского района Подмосковья, 1919 года рождения.

После ужина и вечерних процедур ему всегда предоставлялось почетное право включать телевизор, выбирать желаемый канал для просмотра.

Свое первенство он определил одной фразой: «Мне уже десятое десятилетие идет. Так что вы все — дети по сравнению со мной. И слушайте меня».

Часть этих «детей» сами были людьми далеко преклонного возраста — за восемьдесят и под девяносто. Но старше его на нашем этаже никого не было. Как не уступить самому уважаемому?!

Несмотря на трудную жизнь, он не сгорбил: оставался высоким, стройным, как будто бы судьба баловала Петра Викторовича.

Но на самом деле у него в жизни было столько драматических событий, которые достойны восхищения.

В середине сентября 1941 года из-под города Вязники, что ныне во Владимирской области, он вместе со своей воинской частью, составленной из выпускников стрелковых курсов, пешком за восемь дней добрался до границ Подмосковья, потому что немцы развивали наступление на столицу нашей Родины.

Батальон, где стрелком служил герой этого повествования, был пусть и без боевого опыта, но отобригадованной боевой единицей Красной Армии. Состав батальона согласно штатному расписанию, новое обмундирование, современные по тому времени винтовки. Были и артиллерийские пушки «сорокапятки», которые тащили трудяги «ЗИСы». Издалека была слышна канонада, постоянно летали фашистские самолеты. Но командование батальона строго-настрого запретило обнаруживать себя. Большинство батальона скрывалось в тянувшемся вдоль дороги перелеске, а отдельные стрелковые окопы были очень хорошо замаскированы и ничем не выдавали себя. Даже на случай дождей имелось закамуфлированное брезентовое укрытие, которое натягивали над окопами.

Солдаты чувствовали, что боестолкновение с фашистами будет страшным, но пока война обходила их стороной. Петр Викторович, у которого было прозвище «Владимирская жердь» из-за его высокого роста и худобы, в редкие минут свободного времени успевал сбегать в расположенную неподалеку деревню, принести на своей широкой спине в прочном холщовом мешке картошку и самогон, чем радовал весь свой взвод. И каждый его поход заканчивался тем, что обязательно он приходил с одной или двумя собаками.

В основном это были дворняги — беспородные псы, которые отличались бесстрашием и не обращали внимание на завывание фашистских самолетов, пикирующих с целью высматривания добычи, а также на стрельбу.

Командир взвода однажды пошутил: мол, ты что, вместо нашей части хочешь притон для собак устроить?

Петруша, как ласково называли его бойцы, в ответ лишь моргал своими белесыми ресницами.

Политрук заступился за солдата:

— Товарищ командир! Собак-то всего одиннадцать! Смотрите, у нас на одну собаку приходится три-четыре бойца — все им радость. Да и как-то, когда звери и люди вместе, то оно уютнее и надежнее. И есть о ком заботиться.

Петр Викторович регулярно занимался с собаками. То заставлял их ползти и прыгивать на стоявший в поле сгоревший немецкий танк, то учил двух вожakov нападать на фашистов, которых потехи ради изображали бойцы. Все собаки оказались смысленными и различали каски наших бойцов от фашистских касок.

Однажды кто-то из солдат нес из одного окопа в другой бачок с супом и смеха ради нацепил на себя немецкую каску, чтобы перед тем, как спуститься в окоп, крикнуть «Хенде хох!». И хотя подобная шутка могла быть опасной и окончиться тем, что его бы застрелили, но молодость брала свое.

Солдат осторожно опустил бачок в окоп, а в другом конце окопа сидели несколько бойцов и слушали политрука. Молодой солдатик крикнул: «Хенде хох!*». Бойцы схватились за оружие, а политрук молниеносно выхватил пистолет и направил его на солдата. Но еще раньше отреагировал пес по кличке Бездомный, который две недели тому назад увязался за Петрушей и по праву считался вожакom стаи. Он молниеносно прыгнул, головой ударил солдата в подбородок, а когда тот упал навзничь, то положил передние лапы на его плечи и зарычал. Все опешили. Петруша дал команду собаке отступить, и она нехотя вернулась к своему хозяину, время от времени сторожко поглядывая на испуганного бойца.

Было смешно, но от пережитого никто не смеялся. Каска слетела с головы шутника и валялась в полуметре от него. Политрук примирительно сказал:

— Вот до чего глупые шутки довести могут!

— А вам,— обращаясь к Петруше сказал политрук,— объявляю благодарность! У вас талант на обучение собак. Вроде бы и дворняга, а уже стойкая ненависть к проклятым фашистам выработана.

Все бойцы уважительно посмотрели на безродного пса.

Петяша хотел было вскочить, выпрямиться во весь рост, приложить руку к пилотке, отдавая честь, чтобы сказать «Служу Советскому Союзу и товарищу Сталину!», как вдруг вдали послышался звук летящего фашистского самолета. Без всякой команды солдаты залегли в окопчике.

12 октября шум боя приблизился настолько, что весь батальон понял: битва будет безжалостной и чем все кончится — неизвестно.

Ранним утром по полю поползли четыре танка. Легкие пушчонки «сорокапятки» произвели несколько выстрелов и поменяли позиции. Два передних танка вроде бы лениво повели стволами, но звуки выстрелов оглушили, и комья земли поднялись вверх. Ротный передал по радиации команду артиллеристам больше не стрелять, и танки бестрепетно продолжили свой страшный путь смерти. Так как в них больше не стреляли, то немецкие танкисты подумали, что их выстрелы оказались точными.

Один из солдат начал обвязывать себя пятью гранатами. Он поймал удивленный взгляд Петруши и хрипло сказал:

— Подползу поближе, брошу гранату. Постараюсь попасть в гусеницу. Если промажу — прыгну на танк. Не забывайте солдата Зубарева, однополчане! У нас у всех одна доля — биться за страну.

Но Петя неожиданно для всех два раза негромко свистнул и к нему подбежала такса. Подняла умную морду и застыла в готовности выполнить любой приказ.

— Снимай связку! — приказал Петр Зубареву.

Тот подчинился его властному голосу, но одну гранату, которую зажал в левой руке, оставил.

---

* Хенде хох — руки вверх (нем.).

Политрук почти беззвучно спросил:

— Петруша! Ты что, хочешь, чтобы наш окоп проклятые фашисты отутюжили? А нас раздавили?

Петр отрицательно покачал головой. Он ловко прикрепил три гранаты на спину таксе, что-то прошептал ей на ухо, поцеловал прямо в морду и легким движением направил вперед. Такса выползла из окопа и исчезла.

Все зачарованно смотрели: что же будет дальше?

Танки, освещенные солнцем, все приближались и приближались. И они уже не казались маленькими спичечными коробками, но становились все огромнее и огромнее.

Петя свистнул один раз и к нему подбежала дворняжка Джульетта. Оставшиеся две гранаты он прикрепил к ней. И снова тот же прощальный ритуал. И снова легкое похлопывание по спине собаки перед расставанием.

Политрук удивленно заметил:

— Петяша! Так у тебя на каждую собаку свой свист?

Петр не успел ответить, как вдруг раздался взрыв, и шедший первым немецкий танк обьяло пламенем.

— Эх, таксуля-таксуля! — плачущим голосом сказал Петруша. — Может быть, встретимся с тобой когда-нибудь в раю.

Все находящиеся в окопе пригорюнились и сняли пилотки.

На втором танке открылся люк, из которого вылез удивленный фашист. Он ловко прыгнул на землю и быстро-быстро побежал к первому танку. Он хотел понять, в чем дело. Но испугался, что в танке взорвется боезапас, и тогда и он взлетит вместе с ним на воздух. Он быстро развернулся и побежал обратно. Бежал вприсядку, петляя. Боялся, что вдруг по нему откроют стрельбу.

Но политрук несколько раз опустил правую руку вниз, что означало «не стрелять ни в коем случае». Немец, видимо, подумал, что лидер-танк случайно подорвался на mine. Едва он захлопнул люк, и второй танк начал движение, как вдруг раздался второй взрыв — это Джульетта, благодарная за кормежку и внимание к ней, исполнила свой главный долг.

Страдание выразилось в глазах всех солдат. А у Петра показались слезы. Да он и не пытался их скрыть. Всеобщая любимица, ластящаяся ко всем, своей жизнью сохранила жизни солдат.

В идущем четвертым танке открылся люк и из него наполовину вылез немец, который стал махать руками и громко кричать:

— Ахтунг, минен! Ахтунг, минен*!

Первым повернул назад третий танк и на большой скорости стал удаляться с места столкновения.

Фашист, прежде чем спуститься в кабину, на несколько секунд замешкался и тут же поплатился за это. Зубарев прицелился и выстрелил. Фашист мешком упал внутрь танка.

Видимо, это был танкист-водитель, потому что танк начал крутиться на месте, а потом вообще остановился. Политрук жестами показал, чтобы трое солдат с трех сторон поползли к танку.

К танку бойцы приближались осторожно, внимательно оглядывались вокруг, опасаясь попасть на минное поле. Из нижнего люка танка вылезли двое фашистов. Три синхронных выстрела слились в один. Немецкие танкисты остались лежать возле гусениц.

С них ловко сняли автоматы, забрали планшеты, отрезав ремешки, а потом бросили в люк гранату. Через несколько секунд раздался взрыв.

---

* — Ахтунг, минен — внимание, мины (нем.).

Обратно в окоп вернулись потные, измазанные в земле, но довольные. Политрук похвалил, но в его глазах читался вопрос.

Младший сержант Анохин с грустью ответил:

— Товарищ старший политрук! Видели лапу таксы — и больше ничего.

Все пригорюнились.

Политрук сел писать донесение командиру батальона.

Петр негромко свистнул, и к нему сторожко подошли шесть собак. Каждую он приласкал, затем вскрыл банку тушенки и аккуратно стал раскладывать на порции. Собаки внимательно следили за его действиями, но никто из них к еде без команды не приближался. Зубарев благодарно сказал:

— Петр Викторович! Вы мне жизнь спасли! Я предлагаю, после того, как собак накормите, мою банку тушенки вместе съесть.

Петр в ответ согласно кивнул.

После трапезы собаки благодарно облизали Петру руки и отползли к дальней стенке окопа. Сбились в кучу и легли — так они согревались.

Политрук кончил писать и приказал Зубареву ползти к батальонному блиндажу. И жестко указал:

— И не вздумай привставать или бежать во весь рост. Если засечет немецкий самолет-разведчик, то нас тут всех бомбами перепашут. Лучше дольше ползи, но приказ выполни.

Через час Зубарев вернулся обратно. Командир батальона принял донесение, поудивлялся и велел представить отличившихся бойцов к наградам.

Политрук был в недоумении: кого представлять? К какой награде? Ведь немецкие танки подбили собаки.

Стало резко темнеть. Политрук предупредил по цепочке по всем шести окопам, чтобы никто не вздумал курить. За неподчинение приказу — расстрел на месте. Некоторые были недовольны, но приказу подчинились беспрекословно. Все понимали, что находятся на самых что ни на есть передовых позициях и если фашисты почуют запах табака, а у них тоже есть солдаты-нюхачи, а также овчарки, то начнется бой, и выйдешь ли ты живым из него — большой вопрос.

Политрук определил наблюдателей, приказал сменяться через каждые два часа, а сам пополз в другие окопы — проверять и укреплять веру бойцов в победу. За ним увязался пес Безродный.

Солдаты улеглись в окопе на подостланных шинелях, прижались друг к другу, а двумя свободными шинелями укрылись сверху. Три собаки осторожно подкралась к бойцам и легли по бокам, согревая от раннеосеннего холодка. Зубарев шептал в ухо Петру слова благодарности:

— Вовек не забуду, если останусь жив! Оказывается, и бездомную собаку можно сделать патриотом родины — и ведь не убежала никуда! И скрытно подползла, и маневр свой исполнила бестрепетно.

Петруша безмятежно улыбался, слушая горячую речь своего товарища и ничего не отвечал.

Ранним утром раздался рокот. Уже пять немецких танков пошли в наступление. Сверху летал кругами самолет-разведчик, который наши солдаты прозвали «рама». Политрук пыгливо посмотрел на Петра, и тот стал готовить собак к бою. По очереди выпустил всех пятерых.

Пока третья собака ползла к танку, две первые совершили подрывы. Танки загорелись, а ветер разносил огонь. Танкисты выбраться не смогли. Третий танк повернул было обратно, но собака успела кинуться под гусеницы. Танк накренился и от взрыва упал набок. Зубарев не выдержал и радостно закричал:

— Ура! Мы побеждаем!

Через мгновение он уже валялся на дне окопа с разбитыми губами — политрук навел порядок.

Зубарев остался сидеть на дне окопа и прижимал к губам большой солдатский платок, который набухал от крови.

Политрук свистящим шепотом сказал:

— Если еще кто-то нарушит мою команду — задушю собственными руками!

Все застыли в страхе, потому что знали недюжинную силу политрука: он на ходу останавливал мотоцикл, ухватившись за ручку, он подтягивался на турнике 35 раз, он кидал учебную гранату-лимонку за 80 метров и вообще, несмотря на свой невысокий рост, был жилистым и прыгучим. Да и бойцы понимали правоту его слов, а случай с солдатом Зубаревым посчитали совершенно правомерным, да и сам солдат на избиение не обижался.

Постепенно Зубарев кровь остановил и вдруг раздался мощный взрыв. Это старая восточно-европейская овчарка, следуя примеру своих сородичей, тихонько подкралась к четвертому танку. Пятый танк вырвался вперед и на скорости мчался к окопам. В небе появилась «рама». Политрук точно знал, что у танкистов нет радиосообщения с самолетом, но в это мгновение растерялся, потому что танк двигался синхронно с пролетающим самолетом. Танк на мгновение остановился. И политрук в бинокль увидел, как еще одна собака прыгнула сзади на танк. На ней было четыре гранаты, и танк после взрыва загорелся. Один танкист попытался вылезти из верхнего люка, но языки пламени добрались до него, и жуткий вой разнесся над перелеском. Немецкий танкист начал кататься по земле, пытаясь сбить пламя. Но постепенно затих. А огонь методично пожирал его форменную одежду.

И снова политрук сел писать донесение об уничтожении без единого выстрела и без потерь среди бойцов пяти вражеских танков. И снова Зубарев пополз с донесением к командиру батальона. Вернулся он через полтора часа, таща с собой пятилитровую банку самогона. Бойцы были оживились, но политрук бестрепетно вскрыл банку и вылил содержимое за бруствер окопа. Зубареву же сказал:

— Еще раз позволите себе самовольную выходку, расстреляю перед строем.

Зубарев пристыженно молчал.

Ближе к вечеру политрук приказал Петру:

— Возьми с собой двух бойцов, крадучись идите в деревню, возьмите немного провианта и, если удастся, примани еще прилудных собак. Думаю, что немцы на этом участке больше наступать не будут. Но ты меня потряс: воюешь на расстоянии и сберегаешь мне личный состав.

Петр на скупую похвалу политрука лишь пожал плечами.

Вернулись бойцы уже перед полночью. Следом за ними семенили три пса. Один из них узнал пса Безродного и стал тереться об его бок. Две другие собаки тоже оказались дружелюбными. Зубарев восхищенно мотал головой:

— А еще собак скотинами называют! Какая же это скотина? Это первые помощники людей. И защитники тоже.

Под бормотанье Зубарева остальные солдаты распаковывали вещмешки пришедших, в которых лежала немудрящая снедь. Шкурки от сала, немного молока и вареную картошку Петр разделил между четырьмя собаками. Больше всех досталось псу Безродному. Остальные собаки почитали его за вожака.

14 октября 1941 года на позициях было тихо. Лишь сгоревшие немецкие танки напоминали о произошедшем. А рано утром 15 октября к ним в окоп вместе с командиром батальона крадучись в полуприсяде пришли двое неизвестных. Они были в кожаных куртках и по их голосам и суровым взглядам можно было понять, что это

были немаленькие по должности командиры, потому что командир батальона все время старался встать перед ними навытяжку.

Плотно сбитый невысокий мужчина с легкой сединой на висках снял фуражку, несколько минут отдыхался, а потом, стараясь сделать свой грубый голос помягче, поинтересовался у политрука:

— Представьте мне того бойца, который при помощи собак за два дня подбил девять танков.

Петр, который в углу окопа возился с двумя собаками, надевая на них железный пояс, а они неохотно ему подчинялись, слегка привстал, но не в полный рост, чтобы его не было видно из окопа, и доложил о себе.

Неизвестный командир в кожанке оценивающе осмотрел Петра. Вероятно, ему понравилась его спокойная уверенность в себе, и он спросил:

— Доложите мне, как вам удастся наладить контакт с собаками всего за несколько дней! Это ваши собаки? Из владимирских лагерей?

— Никак нет, товарищ спрашивающий! Простите, не знаю вашего имени и отчества и воинского звания.

Неизвестный усмехнулся:

— Продолжайте доклад!

— Да вообще-то я с собаками себя сызмальства помню! И даже буйных приручал лет с четырех. Видно, способности у меня есть к собакам. А потом, нет такого пса, если его покормить, погладить, да за ухом почесать, чтобы тебя потом укусить пытался. А если ему потом пошепчешь, да возле себя положишь, то он потом за тебя в огонь и в воду пойдет!

Договорить он не успел, потому что невесть откуда появился фашистский бронетранспортер и стал носиться вдоль перелеска, время от времени постреливая.

Петр позвал к себе едва слышным свистом пса Безродного, быстро надел на него амуницию, что-то шепнул, поцеловал собачью морду и легонько шлепнул правой рукой по спине. Собака очень аккуратно выползла из окопа, сделала несколько прыжков и исчезла из виду, слившись с осенней землей. Сучка Лялька, которая была подругой Безродного, начала было подвывать, но Петр сказал ей какое-то слово, и она тут же замолчала.

Все внимательно вглядывались вперед. Ощущая свою безнаказанность, немецкий бронетранспортер остановился и начал хищно поводить дулом пулемета из стороны в сторону. Это продолжалось минут десять. Командир в кожанке не выдержал тягостного молчания и спросил:

— И когда же это произойдет?

Ответом ему был взрыв бронетранспортера.

Лицо Петра напряглось, на глазах выступили слезы — он переживал за ставшую родной собаку.

Оба командира покачали в удивлении головами, а командир батальона в полуприсяде подошел к Петру и сказал:

— Десять вражеских машин за четыре дня! Ну ты герой!

Неизвестный в кожанке скомандовал:

— Командир батальона! Обеспечьте прикрытие из пяти солдат. Вон там, в перелеске, за большой копной стоит наш автомобиль. Мы туда должны вернуться.

И приказал Петру:

— Следуйте с нами.

За время службы Петр привык беспрекословно подчиняться, но в этот раз попросил:

— Разрешите попрощаться с бойцами, товарищем старшим политруком и с командиром батальона? Я понял, что вы меня насовсем забираете.

Командир в кожаной куртке одобрительно похлопал Петра по спине:

— Соображаешь, однако! Если мы при помощи твоего метода с фашистами воевать будем, то победим быстрее, а твои товарищи домой в семьи вернуться. Живыми и здоровыми.

Петр каждого обнял и пожал руки. Когда очередь дошла до политрука, тот сказал ему:

— За первый бой я тебя к медали «За отвагу» представил, а за второй — к ордену Боевого Красного Знамени. Командир батальона подтвердил, что наградной лист передал по назначению.

Но оба незнакомых офицера уже торопили Петра, поглядывая на часы:

— Меньше чем через десять минут «рама» прилетит, а потом бомбардировщики появятся. У нас радисты сообщения перехватывают.

Через десять минут все произошло так, как предсказывали оба незнакомых командира — появилась «рама». Бойцы только-только сопроводили троих к ожидающему их автомобилю и начали возвращаться обратно.

«Рама» засекла одного из бойцов, который полз со снайперской винтовкой, потому что солнечный луч отразился в окуляре прицела. «Рама» пошла на выстрел, чтобы лучше рассмотреть, что это такое. Солдаты начали стрелять из автоматов вверх и подбили немецкий самолет на выходе из пике.

Тут же все заторопилось обратно в окоп. Взрывной волной их отбросило на землю, а самолет загорелся. Немецкий летчик так и погиб в самолете.

Через два часа Петра доставили в один из маленьких подмосковных городков. Приказали привести себя в порядок и быть готовым к докладу.

Он сидел в маленькой комнатке и дивился произошедшей в его судьбе перемене.

Тот самый офицер в кожаной куртке пригласил его следовать за ним.

Вошли в кабинет. Навстречу из-за стола вышел красивый с усталым лицом высокий генерал-лейтенант, который оказался ростом почти вровень с Петром. Он доброжелательно улыбнулся и протянул руку:

— Командующий фронтом Константин Рокоссовский!

Петр ответил и осторожно пожал командующему руку. Рукопожатие у командующего оказалось очень сильным.

Командующий предложил присесть рядом. Петр осторожно присел на стул, потому что уже почти три месяца на стульях не сидел. Командующий понял это и благожелательно улыбнулся:

— Докладывайте о своих подвигах! У вас есть две минуты.

Петр коротко доложил и попытался встать. Рокоссовский удержал его за плечо:

— А вот того не надо! Когда нужно будет, я сам прикажу. А ваше старание я вижу и ценю.

Он посмотрел на незнакомого офицера:

— К награде представили?

— Да, товарищ командующий. Сразу к двум. За первый бой к медали «За отвагу», за второй — к ордену Боевого Красного Знамени.

Рокоссовский задумался, потом встал, прошелся по кабинету, открыл сейф и достал две коробочки. Сам открыл их и прикрепил к гимнастерке Петра сначала медаль «За отвагу», а потом орден Боевого Красного Знамени. Орден был на винте.

Солдат взволнованно произнес:

— Служу Красной Армии и товарищу Сталину!

Константин Константинович Рокоссовский крепко обнял награжденного бойца, а затем сказал незнакомому командиру:

— К вечеру доставить в Москву, в Сокольники. Поставить на довольствие и определить к дрессуре собак для боевого использования.

— Вы молодец! За три-четыре дня делаете то, на что другим нужны месяцы и месяцы. Я тут еще несколько строк черкну командиру питомника, чтобы он вас еще и инструктором сделал — старшим над другими бойцами-кинологами. Вы — собачник от Бога.

...Немцы наступали и наступали на Москву. Жители и Красная Армия обороняли родную столицу. Петр к началу контрнаступления 4 декабря 1941 года подготовил двадцать шесть собак. И ни одна из них не вернулась обратно в питомник. Единственное, что утешало его, так это донесения с разных мест Подмосковья. Все собаки выполнили боевые задания.

Когда фронт откатился от столицы, его перевели в специальный питомник под Лобню. Там он от своих же товарищей-инструкторов получил прозвище «живодер». Обижаться было некогда, время было военное, суровое, да и работа была безжалостной, потому что собаки сразу направлялись в войска. А вот у его товарища по кинологической службе собаки были санитарями. А еще были собаки, которые искали мины. Были собаки — доставщики спецсообщений. Были и караульные собаки, были и собаки, которые ходили в рейды с разведчиками.

Но когда Петр Викторович шел по территории мимо вольеров к своему месту службы к своим боевым собакам, то почему-то все другие собаки затихали, а солдаты вытягивались в струнку и обращались к нему почтительно.

Женился Петр Викторович только в сорок лет. Демобилизовался в звании майора. Вроде боевой офицер, награды на кителе, а почему-то девушки его опасались. Как он только знакомился и вглядывался в них, то им становилось неловко. Но нашлась одна, подавальщица в столовой Валентина. У нее была маленькая собачка, которая все время визгливо лаяла и крутилась под ногами. Но когда Петр Викторович заходил в колхозную столовую, то она почему-то сразу затихала и лънула к нему. Когда он пришел обедать второй раз, то Валентина присела к нему за стол, доверчиво обняла его правую руку и призналась:

— Мне мать моя говорила: «Как только встретишь человека, которого собаки любят, так за него замуж сразу выходи!» Вот я вам в любви и признаюсь.

Петр Викторович впервые в жизни засмутился, хмыкнул и ничего не ответил.

Двадцативосьмилетняя девушка наклонилась к его руке и поцеловала ее.

Разница в двенадцать лет оказалась на пользу в старости, когда Петр Викторович разменял десятый десяток. А супруга Валентина по-прежнему бодрa, энергична и гордится своим мужем. Они вырастили четверых детей, десять внуков и имеют уже трех правнуков.

Когда период профилактического лечения в госпитале заканчивался, она приехала с детьми и внуками забирать своего ненаглядного.

Петр Викторович спустился со ступеней госпиталя. Все родственники выстроились перед ним от старого до малого, а он поочередно обнял каждого из них. Он выглядел бодро и энергично пошagal к ожидавшей его машине. Солдат всегда в боевом строю!

Виктор Еремин
(г. Тула)

КОНФЛИКТ
(одноактная трагикомедия в четырех картинах)

Член Союза журналистов России. Главный редактор общественно-политической газеты «Тульская правда». Сотрудничает с журналом «Приокские зори» и центральными печатными изданиями. Лауреат творческих конкурсов.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Отец Евлампий — 55–60 лет, священник приходской церкви.

Афанасий — дьячок, 30 лет.

Никифор Орехов — 35–40 лет, староста казенных оружейников.

Два казенных оружейника разного возраста.

Чертенской Кондратий Григорьевич — 45–50 лет, князь, стольник и тульский воевода.

Каменев — 40–45 лет, подьячий при воеводе.

Царский гонец — 25–30 лет.

Алексей Филимонов — 35–40 лет, староста посадских оружейников.

Три посадских оружейника разного возраста.

Кабатчик — 35–40 лет.

Епифан Никонов — казенный оружейник, 35–40 лет.

Мария Никитична — жена Никонова, 35–40 лет.

Настя — дочь Никоновых, 18 лет.

Никанор Красильников — оружейник, 35–40 лет.

Валентина Дмитриевна — жена Красильникова, 35–40 лет.

Таня — дочь Красильниковых, 14–15 лет.

Николай Семенович — ученик, подмастерье Красильникова, 20–25 лет.

Тула, 1691-й (7200-й) год

Картина первая

Освещенное пространство внутри небольшой церкви. На стенах несколько икон с горящими перед ними свечами.

Отец Евлампий (из темноты). Афанасий, свечи загаси, двери запри! Я домой, к вечеру буду!

Появляется отец Евлампий, направляется, судя по всему, к выходу.

Орехов (из темноты). Батюшка, отец Евлампий, благословение твое требуется!

С противоположной стороны появляется Орехов. Одет не бедно — кафтан, са-

поги. Кланяется образам, крестится. На священника глядит с почтением, но вид у него все равно бойкий и хватистый.

Отец Евлампий (с неудовольствием). Тебе, что ли?

Орехов. Грамотку нашу, батюшка, надо благословить!

Отец Евлампий. Что за грамота?

Орехов. Челобитная царям нашим, заступникам, от нас, тульских казенных оружейных кузнецов!

Отец Евлампий (намереваясь продолжить путь к выходу). Иди, раб Божий, иди! Я вашу челобитную вчера благословил!

Орехов. Так-то, не та челобитная была! Это к тебе Алешка Филимонов приходил от посадских оружейников с кляззой на нас, слободских! А наша челобитная на них, посадских! Так ты уж и нашу благослови, батюшка! Нашу-то еще вернее будет!

Отец Евлампий. Ты сам-то кто таков?

Орехов. Никишка Орехов, выборный слободской староста. Товарищи возле храма дожидаются. Сюда не идут, держат Епишку Никонова. Похмельный он и злой на тебя сильно! Говорит, шас цопу харю на бок сворочу, что посадскую челобитную на нас, казенных, благословил! А там, говорит, хоть под батоги! Выглянь, если не веришь!

Отец Евлампий (чинно). Ни к чему мне суета ваша!.. Давай, что ли!

Орехов подает ему свиток. Отец Евлампий разворачивает его, подносит ближе к свечам, читает.

Отец Евлампий. Великим государям, царям и великим князьям Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцам... *(Переводит взгляд в самый низ листа).* ...Писано на Туле лета тысяча шестьсот девяносто первого, мая в тридцатый день. *(Возвращает свиток Орехову).* На, благословляю.

Орехов (недоуменно). Чего ж все не читал, батюшка?

Отец Евлампий (ехидно). Сие, раб Божий Никифор, мне без надобности. Вы с посадскими, почитай, что ни год челобитные друг на друга на Москву шлете. Небось, Бориска Савостьянов с подьяцкой стороны писал? Вижу, что он. Вчерашняя тоже его рукой писана. ...А ежели в царском имени одна буква не на месте будет, то воевода это воровство на Туле судить не станет, а отправит в железах на Москву в разбойный приказ! Тамошние умельцы в пытошной враз из требухи в пузе ливер сделают и до всех подробностей доберутся. Ступай, раб Божий, ступай! Не отвлекай от забот духовных!

Орехов (глядя на свиток). Сам царь-батюшка очами своими ясными зоркими читать будет! Ну, завистники посадские, теперь ждите! *(Идет к выходу, на полпути оборачивается).*

Орехов. Благодарствуем, отец Евлампий. Ты скажи, ежели какую кузнецкую работу сделать надо, так мы за полцены сделаем. *(Поворачивается, уходит).*

Появляется Афанасий. В руках у него кольцо с несколькими ключами, вид — размышляющий.

Афанасий. Батюшка, а не худо было бы накладки железные на дверях поменять! А то и оградку кованную сделать. Тебе ж вчера посадские кузнецы тоже обещали работу за полцены сделать, так ежели не работу за полцены, а полработы за бесплатно? А? Те полработы за бесплатно, и эти полработы за бесплатно, так все ж задаром и получится!

Отец Евлампий. Ты свечи гаси! Придут к вечеру православные в храм, а тут темно, как в... *(Живо поворачивается к иконе).* Прости мать-заступница, Пресвятая Богородица за мысль греховную! *(Поворачивается к дьячку).* Чтоб те полработы за бесплатно и эти полработы за бесплатно, им меж собой сговориться надо! Так ведь, не сговорятся! Нипочем не сговорятся!

Афанасий. А чего ж им не сговориться-то, батюшка? Они ж все оружейные кузнецы, одну работу делают!

Отец Евлампий. Одну, да не одну! Казенные-то, они потому казенные, что только на казну работают, никому другому боле оружие продавать не могут! А посадские, те, с кем хотят, торгуют! Казенным обидно, что прибýtка верного лишаются; посадским, что милостей царских, как у казенных, не имеют! Кошка с собакою сговорятся, а эти — нет!

Афанасий. Так все из-за скаредности, что ли? Грех!

Отец Евлампий. Не из-за скаредности, но они в этом и себе не признаются, только Господу Богу нашему (*крестится*) повинятся! Другой на них грех лежит — гордыня... (*Молчит, задумавшись*). А может, и не грех вовсе... Может, и не гордыня это, а что другое...

Афанасий. Как так, отец Евлампий?

Отец Евлампий. А как так — тебя не касается! Ты что разговорился?! Ты свое дело делай! Свечи, вон, уже наполовину выгорели!

Афанасий гасит свечи, наступает темнота.

Картина вторая

Дом стольника и воеводы князя Чертенского. Посередине комнаты стул с подлокотниками, высокой спинкой, украшенными резьбой. Вдоль стены широкие лавки под бархатом, в углу икона с горящей лампадой. Чертенской с непокрытой головой сидит на стуле, откинувшись на спинку, вытянув ноги. Входит подьячий Каменев.

Каменев. Князюшка, опять оружейники гурьбой пришли.

Чертенской. Какие?

Каменев. Слободские, князюшка, казенные...

Чертенской. Чего хотят? Опять на посадских жалуются?

Каменев. Хуже, князь-воевода! С челобитной государям! Прогнать?

Чертенской. Ты что?! Прогнать! А если цари о том проведуют? Грамоту, им писанную, от них утаили?! Что, дурная голова надоела? Так тебя живо от нее избавят! И меня заодно!

Каменев. Так что, звать?

Чертенской. Погоди... (*Размышляет*). ...Сходи-ка ты, Каменев, в приказную избу, да принеси сюда все царские грамоты воеводам и кузнецам тульским. (*Каменев кланяется, идет к выходу*). ...И последние грамоты с оружейной палаты тоже! (*Растащивает по комнате*). И ведь поделать с ними, подлецами, особо ничего нельзя! Под батогами орут, конечно, убедительно, а толку-то? Все равно потом за свое! А чего с ними поделаешь, если, почитай, все войско московское из их пищалей палит! Царь за них, паскудников, с самого шкуру спустит! «Почему ты, холоп никчемный князь Кондрашка, урон моему государеву делу чинишь?! А не с умыслом ли ты вред царству российскому причиняешь?! Зачем кузнецы жалуются, что ты в оружейных делах им не способствуешь?!».

Каменев (входит с охапкой свитков). Все принес, князь Кондратий Григорьевич!

Чертенской (снова усаживается на стул, принимает величественный вид). Подай мне последние грамоты с оружейной палаты. А прочие вон там (*указывает на лавку*) разбери, найди, где прописано про царские милости, что тульским кузнецам дадены! Когда скажу, говорить их будешь! (*Разворачивает, читает грамоты*) «...и по тому их, великих государей, указу тульские казенные кузнецы сделали и в оружейную палату и в стрелецкие полки отдали сполна семьсот двадцать пять пищалей, ...а достольного ружья в окладное число к Москве не прислано, ...а иные стволы

правлены худо и с раковинами, а иные с пайками и замки мастерства среднего, не против образцовой казенной пищали, ...а на нынешний год указное число две тысячи пищалей сделать сентября к первому числу». ...Зови кузнецов!

Каменев (уходит; строго, зычно говорит за сценой). Заходите, холопы! Стольник и воевода князь Кондратий Григорьевич вас слушать будет! *(Возвращается, проходит к лавке, разбирает свитки).*

Казенные оружейники (переступив порог, падают на колени, застывают в земных поклонах). Здравья тебе и долгие лета, воевода-батюшка! С поклоном к тебе, око и десница государевы! Надежа наша, князь Кондратий Григорьевич!

Чертенской. Встаньте.

Казенные оружейники. Не встанем, отец родной! Не смеем, князюшка! К стопам твоим припадаем!

(Здесь и далее оригинальные адаптированные тексты из царских грамот 17-го века тульским воеводам и кузнецам).

Чертенской. Встаньте! Велю! *(Оружейники поднимаются, деловито отряхивают штаны. Видно, что раболепство их не искреннее, а для пользы дела и потому, что так положено).* Ну, с чем пришли, холопы?

Орехов (выступает вперед, кланяется). С челобитной государям нашим, князь Кондратий Григорьевич!

Чертенской. Подай *(берет свиток, не разворачивая, присоединяет его к грамотам из оружейной палаты).* На кого царям нашим, заступникам, челом бьете?

Орехов. На посадских оружейников, отец родной воевода! Совсем распоясались, окаянные! Ни житья, ни дела от них нету! Ни железа, ни угля нам не оставляют, а мы ж ружья, пики, да сабли тока для казны делаем, гвоздя и то для себя не выкуем!

Чертенской. Значит, ни угля, ни железа?

Орехов. Истинно так, воевода!

Чертенской. А чего ж, посадские кузнецы доносят, что вы сами работать перестали, в своих лавках сидите, а наемные люди на вас работают? *(Грозно потрясает свитком).* Не оттого ль в ружейных стволах пайки и раковины, на которые оружейная палата указывает?!

Орехов. Так железо ж негодное! А про лавки врут, все врут завистники! Милостям государей наших к нам завидуют!

Чертенской. Милостей много... Ну-ка, Каменев!

Каменев (разворачивает 1-й свиток). Вот... От первого государя нашего Михаила Федоровича грамота с прочетом к воеводе Ушакову... Бумага вон от годов уж желтой стала. Велит царь *(читает)* «тульских оружейников от посадского тягла освободить», и чтоб воевода «на их дворах послов и гонцов, и дворян, и детей боярских и всяких людей ставить не велел и суда на них в Туле не давал, и насильства им никакого чинить не велел, а кому будет до них какое дело и они б на них били челом нам на Москву и в Стрелецкий приказ».

Чертенской. Что, песьи дети?! Всегда всем недовольные! У всех на постой ставили, только у вас нельзя было! Давай дальше, Каменев!

Каменев (берет 2-й свиток). Вот грамота воеводе Замыцкому, чтоб люди его «в кузнецкую слободу не ходили», и чтоб «убытчить их не велел и на торгу и по дорогам нигде кузнецов не имали».

Чертенской. Дальше, Каменев!

Каменев (берет 3-й свиток). Вот тут царь Алексей Михайлович заменил им тягло, пятую деньгу и другие подати на изготовление двухсот сорока четырех ружей ежегодно, а потом и вовсе освободил от всех посадских повинностей...

Чертенской. Все платят пятую деньгу с того, что имеют, одни вы не платите!

Научились кляузы составлять?! Отцы ваши, небось, царю в ноги падали, плакали, что двести сорок пять ружей никак, а двести сорок четыре в самый раз?! Хотя на одно, да сбить!

Каменев (берет 4-й свиток). Вот! Царь Федор Алексеевич велел...

Чертенской. Хватит, они царские милости к себе лучше нашего знают! *(Грозно).* Ни у кого таких милостей, как у вас, нету! Все цари вас от других холопов отличали! А вы, значит, не о делах государевых заботитесь, а как кляузы друг на друга ловчее составить?! *(Кузнецы падают на колени, замирают в поклонах).* Челобитные царям шлете, мешаєте им о державе радеть?! У государей и рубежи российские, и послы иноземные, и полки стрелецкие, и тати с ворами, а они на ваши дрязги холопские свое царское время тратят! Встаньте! *(Оружейники поднимаются с колен, заботливо отряхивают штаны).* С оружейной палаты пишут, что сто десять пищалей вами в срок не представлены! Ежели в короткое время не отправите, каждому по десять батогов выпишу, а потом закую в железа и в железах работать заставлю! Поняли?!

Казенные оружейники. Поняли, воевода! Поняли, князюшка!

Орехов. Все сделаем, князь Кондратий Григорьевич! И завесные ружья для казаков конных, и достольные для пеших ратников, и шонпулы сделаем жимолостные с железными набойниками, как палата велит! ...А челобитная наша как же?

Чертенской. И чтоб две тысячи пищалей, как указано, в срок были в казну отправлены! ...Царям челобитная составлена, цари и читать будут! Пошли вон отсюда! *(Оружейники, кланяясь, пятятся к выходу).* И помните, что про кляузы ваши и про царские заботы сказал! *(Оружейники уходят. Каменев, сидя на лавке, скептически покачивает головой).* Чего головой мотаешь, подьячий?

Каменев. Ружья-то они сделают, всегда делали, а челобитные друг на друга все одно на Москву отправлять будут. Нету тут с ними сладу!

Чертенской. Ничего, авось батоги с железами научат!

Каменев. И отцов их, и дедов воеводы во все времена батогами от челобитных отучали. Не помогло. Тут, князь Кондратий Григорьевич, другое...

Чертенской. Ну, так говори, коли чего знаешь, а то мотаешь головой, как конь недовольный!

Каменев. Помнишь, князь Кондратий Григорьевич, о прошлом году приезжал в Тулу по цареву повелению дозорщик с оружейной палаты с кляузами кузнецкими разбираться и оружейное дело смотреть?

Чертенской. Помню. Сказал, что все, что для державных оружейных интересов потребно, в Туле имеется, и царская воля исполняется исправно.

Каменев. Это он тебе, князь, важной особе, так сказал, а я-то с ним еще и попросту поразговаривал...

Чертенской. Может, подьячий, и тебе батогов отмерить, чтоб пустое не молот?

Каменев. Так я ж и говорю по делу, князь Кондратий Григорьевич! Поговорили с ним о спорах кузнецких. Дозорщик этот оказался немцем в нашу веру из латинской перекрестившимся, и дотошный, собака! Все двory обошел, во всех мастерских побывал, все записал! ...Так он еще уехать не успел, а посадские уже на него челобитную составили, что, мол, дозорщик за срывку со слободскими спелся, и верить его отчету не надо!

Чертенской (то ли зло, то ли восхищенно). От, подлецы!

Каменев. Так вот, дозорщик этот, даром, что иноземец, душу кузнецкую, видать, понять сумел! Они, говорит, не о царских милостях спорят, а о мастерстве своем! Верх друг над другом хотят взять! Так-то не получается, вот и кляузничают! Авось, да признают кого из них наилучшими! А такой спор ничем не усмирить! И слободские, и посадские, говорит, мастера такие, что во всех странах еще поискать надо!

Отсюда и гонор их оружейный! А вот о позапрошлом году... Говорить, князь Кондратий Григорьевич?

Чертенской. Говори.

Каменев. ...А вот о позапрошлом году, когда я в Оружейной палате служил, задумал наш дьяк Вахрамеев царей потешить, ум свой показать, и через то к царям в благоволение войти. Подал им сразу две челобитные от тульских посадских и казенных оружейников и говорит, похихикивая, что, вот, мол, скоро у вас, государи, из тульских кузнецких кляуз библиотека будет богаче, чем у византийских кесарей!

Чертенской. И что?

Каменев. Потешил! Показал! Получил за ум сабельными ножнами по голове, да больно, до крови! И еще пинком по копчику благоволение оказали! (*Продолжительное молчание*).

Чертенской. Холопы, значит, собачатся, а цари — разбирайся?!

Каменев. А что ж поделывать-то, князь-воевода?! В Оружейной палате про их норы ведают, а казнить не могут! Для всех царей оружейные мастера ценнейшая царская собственность! Руки-ноги им не поотрубашь, мастерские с инструментом не отберешь! Батогов, конечно, можно, так оно ж им не в новость! (*Шепотом, оглядываясь*). ...А то возьмут, да и составят царям челобитную, что, де, в Туле оружейному делу помеха творится! Вот, и рассуди, кому какой цари приговор учинят! Не встревай ты в их споры, воевода-батюшка, пускай на Москве разбираются! Плюнь на их дразги, да и разотри! Деды их писали, отцы писали, и внуки писать будут! (*Умолкает, прислушивается*). Кажись, приехал кто?!

Чертенской. А ну, глянь! (*Каменев выходит и тут же возвращается*).

Каменев (растерянно). Гонец... С оружейной палаты...

Входит гонец.

Гонец. Царский указ стольнику и тульскому воеводе князю Чертенскому! (*Разворачивает свиток, читает*). По указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия, и Малыя, и Белья Росии самодержцев память тульским кузнецам и станочникам! В нынешнем во тысяча шестьсот девяносто первом году по их, великих государей, указу велено вас судом и расправою во всяких делах ведать там на Туле стольнику и воеводе князю Кондратью княж Григорьеву сыну Чертенскому! И как к вам ся память придет и вы б ему, князь Кондратью, во всяких расправных делах были послушны! (*Подходит к Чертенскому, с поклоном подает ему свиток, уходит*).

Чертенской и Каменев ошарашено смотрят друг на друга.

Каменев (утешающе). Ничего, ничего, князь-воевода! Оно и ране так бывало! Оно не надолго! Года не пройдет, как разбор кузнецких споров опять на Москву заберут! Ране воеводы терпели, и ты вытерпишь!

Чертенской свирепо замахивается на Каменева кулаком.

Картина третья

На освещенную сторону сцены выходят с важным видом казенные оружейники. Останавливаются.

Орехов. Ну, что, по мастерским, ружья делать?

1-й казенный оружейник (задумчиво). Погоди! ...Епифан, ты в разум вошел?

Епифан Никонов. А я чего, дурнее вас, что ли? А то не знаешь, что сваты у меня были, Настю мою в замужество забрать хотят!

Орехов. Да, знаем! ...Чего стоим-то?! Пошли!

1-й казенный оружейник. Да, погоди ты! Я вот чего думаю! Не каждый день челобитные государям шлем! Надобно отметить!

2-й казенный оружейник. Воевода шутки шутить не станет! Батогами накормит и в железа оденет, ежели ружья в палату в срок не представим!

1-й казенный оружейник. Все сделаем, и завесные, и достольные, и сабель накуем, скока велют! Тока, давайте, завтра!.. Ловко мы посадских-то умыли, а?! Думали, не проведаем про их козни!

Орехов. Ну, так что, как общество решает?

1-й казенный оружейник. Идем в кабак! Посидим малость, а потом уж по мастерским, работу делать!.. Ну, рассказывай, Епифан, что загоревал? Радоваться ведь надо! Пришла пора девке хозяйкой становиться, мужа молодого любить-уважать, детишек рожать! Иль жених тебе не по нраву? (*Часть сцены, по которой идут оружейники, погружается в темноту.*)

Епифан Никонов (из темноты). Да, не то, что горюю... Оно, ведь, как было-то!

Освещается противоположная сторона сцены. На ней одна из комнат дома оружейника. Две двери — на улицу и в другую комнату. Окно, сундуки, стол, лавки, печь, возле которой полки с горшками, тарелками, чашками, кухонной утварью. У окна хозяйка Мария Никитична занята каким-то рукоделием. На ней длинное платье из полотна, рукава собраны в широкие складки и застегнуты на запястьях запонками, как и ворот на шее; синяя телогрея из китайки. Дверь на улицу открывается, вбегает заполошная соседка.

Соседка. Марьюша, бросай все! Пантелеевна щас за крупой ходила, сказывала, что к Никоновым сваты собираются!

Мария Никитична (не поднимая головы). Это к каким же Никоновым, с Ложевой улицы, что ли?

Соседка. Да к вам! К вам идут! Настю вашу сватать!

Мария Никитична. К нам?! (*Вскакивает, бросает рукоделье.*) Ох, Господи! В доме не прибрано! Хозяина нету! Да как же так-то?! Загодя должны были упредить! (*Торопливо достает из сундуков половики, покрывала, застилает лавки, стол.*) Петровна, зайди к моему в мастерскую, скажи, что к чему! Пускай бросает свои молотки, домой идет! Так, угощенье, угощенье... Настя же не одета! Настя, Настя!

Настя (выходит из другой комнаты. Она в таком же платье, телогрея красного, «девического» цвета). Что, мама?

Мария Никитична. Одевайся, быстро одевайся! По-праздничному! Сваты идут! Что стоишь столбом?! Быстро к себе, и надевай все лучшее! (*Настя растерянно уходит.*) Где ж отец-то?!

Входит Епифан Никонов.

Епифан Никонов. Что случилось? Струкова жена в мастерскую влетела, накудахтала, чтоб домой бежал, и дальше полетела!

Мария Никитична. Сваты к нам идут, Епифан Васильевич, сваты! Ты со своими ружьями забыл, что дочь у тебя на выданье?!

Епифан Никонов. Сваты, значит... Переодеться надо, если гости в дом...

Мария Никитична. Нет, не надо! Мы ничего не знаем, и они случайно зашли! Угощенье, угощенье...

Епифан Никонов. Кто, хоть, сватается-то?

Мария Никитична. Да, не знаю я! С четырех домов про Настю у соседей и знакомых выпрашивали! И парни все хорошие, из старых оружейных родов!

Епифан Никонов. Настька наша девка видная!

Мария Никитична. Не по обычаю! Загодя должны были с нами сговориться, о дне помолвки оповестить! Тогда и заходи случайно! Настя, Настя!

Настя (выходит из другой комнаты. На ней длинное синее шелковое платье, туфли с тупыми носами). Ну, что, мама? Я одеваюсь, как ты велела...

Епифан Никонов. Кто жених?

Мария Никитична. Да ей-то, откуда знать?!

Настя. Тять, я только на Пасху из дома выходила. На лавке у калитки с подружками сидели.

Епифан Никонов. Парни были?

Настя. Были! Разоделись в пух и прах, и раз десять мимо нас туда-сюда прошли! Какие они молодцы выказывали!

Епифан Никонов. Видать, не столько выказывали, сколько высматривали!

1-й казенный оружейник (голос из темной стороны сцены). Да что ты тянешь, Епифан? Рассказывай по сути! Мы все жен своих в церкви, да на лавках по праздникам высматривали! В чем кручина-то?

Епифан Никонов (голос из темной стороны сцены). Пришли они, я и ахнул!

В комнате слышен стук в дверь. Хозяева напряженно замирают. Входят сваты.

Мария Никитична (облегченно). Здравствуй, Никанор Игнатьевич! Здравствуй, Валентина Дмитриевна! Проходите в дом, будьте гостями дорогими!

Епифан Никонов. Здорово, Никанор! Здравствуй, Валентина Дмитриевна! Кстати пришли! Мы с Марьей Никитишной сватов ждем, Настю нашу в замужество сватать хотят!

Никанор Красильников. Тут такое дело, Епифан... Мы сваты и есть!

Епифан Никонов (смеется). Любишь ты шуточки шутить, Никишка! Ну, да, веселье в доме — в жизни радость! Ишь, ты, сваты! *(Смех постепенно замирает).* ...У вас же дочь! Татьяна! Ей самой через два-три года в замужество!

Валентина Дмитриевна. Марьюш, ты не серчай, что мы эдак-то, без весточки.

Мария Никитична. Ох, Валька, ты и в молодости случай озорничать не упускала! *(Смеется).* ...Сваты! Сейчас настоящие придут, вместе посмеемся!

Никанор Красильников. Епифан! Марья! Не шутим мы! Дайте обсказать толком! *(Проходит, усаживается на лавку).* Ученика моего, подмастерья Кольку Семеновича знаете?

Епифан Никонов. Ну, знаем...

Никанор Красильников. Вот, за него и просим Настю в замужество отдать! *(Продолжительное молчание).*

Мария Никитична. А где ж родители?! Они ж должны сына привести!

Никанор Красильников. Далеко его родители! С Белой России он! Считайте, что мы его родители, своего сына привели!

Епифан Никонов. Та-ак! Ну-ка, мать, накрывай на стол, как положено.

Мария Никитична быстро ставит на стол несколько блюд с закусками, кувшин с вином, чарки. Все в молчании садятся за стол, выпивают по чарке вина.

Епифан Никонов. Ну, рассказывай, Никанор, что это за сватовство такое?

Никанор Красильников. Лет тому около сорока отец мой с полками царя Алексея Михайловича в поход на ляхов ходил... Да, не он один, семь наших оружейников с инструментом войско сопровождали. Ты и сам знаешь. Вот, там, в Белой России, в городе Могилеве он знакомство с Колькиным дедом и свел. Да еще какое знакомство! От смерти отца моего Колькин дед спас! Оно ж, известно, где война, там татам пожива! На оружие в отцовой мастерской они позарились, да Колькин дед подоспел, плечом к плечу с отцом встал, а там и стрельцы набежали! Татей тут же и повесили, а дед Колькин с отцом сдружились, да и побратались!

Мария Никитична. А что ж за название такое — Могилев? Могила, что ли?

Епифан Никонов. Молчи, мать! Не встревай!

Никанор Красильников. Для врагов, может, и могила! А по тамошнему наречию «лев могучий». Знатный город!.. Больно Колькину деду отцово мастерство пригляну-

лось, вот и порешили побратимы, что дед какого мальчика из своего рода на обучение к отцу в Тулу пошлет. Хороший оружейник везде в почете!

Епифан Никонов. Погоди, Никанор. Колька у тебя лет пятнадцать тому объявился, вовсе малец был! Как же он к тебе попал?

Никанор Красильников. С купцами моголевскими приехал. Они на Макарьевскую ярмарку товар свой привозили, и наш Маликов там торговал. Порасспрашивали, кто из торговых людей с Тулы, вот Маликов Кольку мне и предоставил. На словах передал, что купцы сказали. Так, мол, и так, посылает по уговору Трофим Семенович внука своего побратиму тульскому Игнатию Красильникову учиться кузнечному оружейному искусству. Отец-то мой к тому времени, сам знаешь, помер, вот Колька мне (*хмыкает*) по наследству и достался. Нам с Валентиной Дмитриевной навроде сына, Танюшке нашей навроде старшего брата. ...Ежели домой возвратиться не надумает, дело свое оружейное ему передам.

Мария Никитична. А я-то думаю, чего это Танька ваша к Настьке нашей зачастила!

Никанор Красильников. ...Так что, уж коли не родитель я ему, то, по побратимству, дядька родной!

Епифан Никонов. И заместо отца, значит, и заместо свата.

Никанор Красильников. Так уж вышло. Все обсказал, как есть. Тебе решать, Епифан.

Мария Никитична. Так он, что ж, Настюшку нашу в этот Моголев могучий увезет?

Епифан Никонов. Сказал, не встревай, мать! (*Долго молчит*). Где жених-то?

Никанор Красильников. У порога слова вашего дожидается.

Епифан Никонов. Зови!

Красильников выходит, возвращается с Николаем Семеновичем. Тот почтительно кланяется хозяевам, молча стоит у двери.

Епифан Никонов. Что, приглянулась наша Настюшка?

Николай Семенович. Сильно любя она мне, дядя Епифан! Как два года назад на причастии в церкви увидел, так забыть не могу!

Епифан Никонов. Мать, зови невесту!

Мария Никитична уходит в соседнюю комнату и довольно долго не появляется. Напряженное ожидание. Настя выходит в сопровождении матери, потупившись, стоит у двери.

Епифан Никонов. Вот, дочь, жених сватать тебя пришел. Видела его? Знаешь, кто таков? (*Настя чуть заметно кивает*).

Епифан Никонов. По нраву он тебе? (*Настя молчит*).

Мария Никитична. Отвечай, коли отец спрашивает! (*Настя едва заметно кивает*).

Епифан Никонов. Видно, таков суд Божий! Так тому и быть!

Мария Никитична. Когда ж, да как узнать-то успела? Воробей, что ль, какой начирикал? (*Многозначительно смотрит на Валентину Дмитриевну*).

Валентина Дмитриевна. Я этому воробью сопливому дома перышки-то пообщипаю!

Настя. Танька-то чем виновата?

Мария Никитична. Как станешь мужниной женой, так и высказывайся! А пока я тебе родительница!

Настя. Теть Валь, ну скажите маме!

Епифан Никонов. А ну, цыц, бабы! А то сами друг к дружке не бегали!

Настя. Тять, ну чего они на Таньку-то?! Мы ж разговаривали только!

Часть сцены, на которой происходит действие, погружается в темноту. Освещается противоположная сторона сцены. Это маленькая светелка Насти. Окно, рядом с ним небольшой стол, на котором нехитрые девичьи ценности — гребень,

ленты, монисто, цветастый платок, круглая шапочка, украшенная бисером; немного в стороне большой сундук, накрытый лоскутным одеялом, лавка.

Таня (перебирая ленты, завистливо). А у меня только одна, красная.

Настя (снисходительно, немного свысока). Так ведь ты еще и на причастии-то не была!

Таня. Все равно хочется! Тятя обещался, как пятнадцать годов мне исполнится, так купит он мне гребень с красивыми камушками! Так и сказал, что я у него красавица, и что от женихов у них с мамкой отбоя не будет! И велел мамке приданое мне собирать! А у тебя есть?

Настя (свысока). Тоже мне, невеста!

Таня. Ну, скажи, Насть!

Настя. Глупая ты, Танька!

Таня. Насть, ну скажи!

Настя. Кто ж в замужество без приданого идет?! Есть, конечно! Вон, *(кивает на большой сундук)* полон!

Таня (затаив дыхание). А что там?

Настя (насмешливо). Приданое!

Таня. Ну, скажи, Насть!

Настя (вздыхая). Да я и сама все не знаю.

Таня. А чего знаешь?

Настя. Одеяло знаю на гусяном пуху, вместе с мамкой шили.

Таня. А еще чего? Насть, ну, покажи!

Настя. Ага, покажи! Мамка сказала, увидит, что лазаю, руки поотшибает! Говорит, как мое станет, могу хоть под подушку класть и с ним спать! А до замужества... *(Горестно покачивает головой).* Ой!

Входит Мария Никитична. Хмуро смотрит на девушек.

Таня (вскакивает). Здравсьте, тетя Маша!

Мария Никитична (неприветливо). Здравствуй... пигалица. Тебе мать, что, дома дела не найдет? Вот я ей скажу!

Таня. Да я только пришла, тетя Маш! Ленты у Насти красивые посмотреть, а то у меня только одна, красная.

Мария Никитична. Мала еще о лентах думать! *(Насте).* А ты что расселась? Я тебе что сказала делать?!

Настя. Я уже все сделала, мам! Ты, хоть, посмотрела бы сначала!

Мария Никитична. Сделала она! Сделала... Сделала? *(Что-то вспоминает).* Ох, ты, Господи! Совсем забыла! Смотрите у меня тут! *(Поспешно уходит).*

Настя и Таня некоторое время молчат, невнимательно перебирают предметы на столе. Время от времени опасливо поглядывают на дверь.

Таня (шепотом). Насть, а ты в замужество хочешь?

Настя. Правильно мамка говорит, малая ты еще, Танька! Глупости спрашиваешь!

Таня (обиженно). Чего сразу малая?! Кого ж мне спрашивать?! Кольку брата спрашивай не спрашивай, все равно ничего не знает, а мамку спросишь, так потом три дня на лавку не сядешь! Вон, Аньке хорошо, у нее две сестры, одна уже в замужестве, и вторую сватать хотят! Она раз, знаешь, какое колечко красивое из дома принесла похвалиться!

Настя (недоверчиво). Это что ж, сестры ей свои кольца дают?

Таня (легкомысленно). Не, не дают. Она потом неделю на улице не показывалась. Ну, скажи, Насть!

Настя. Хочешь, не хочешь... Так уж надо! Пришло твое время — иди в замужество! Детишек рожать, хозяйством управлять...

Таня. Что, и все? Как мамка?

Настя. Все, да не все! Отец Евлампий говорит, что Бог велел жене мужа своего слушать и почитать, а мужу жену свою любить и уважать!

Таня. Я-то думала...

Настя. Нет, Танька! Еще что-то есть, только я пока не знаю! Мамка обещалась, как меня посватают, перед самой свадьбой рассказать, а пока, говорит, мне про то знать ни к чему.

Таня (*смотрит на дверь, полушепотом*). А мамка тятю сказывала, что у нее из четырех домов, где женихи, про тебя спрашивали! Ну, какая ты в хозяйстве, нрав у тебя какой. Она ж с твоей мамкой дружит.

Настя. Ну, и что?

Таня. А ничего. Тятю ее слушать не стал, и в мастерскую ушел. (*Хитро*). Зато Колька очень заволновался. По дому ходил и к тятю в мастерскую побежал.

Настя. А из каких домов спрашивали, не сказывала?

Таня. Не, сказала только, что парни все хорошие. Один тока из посадских, мол, не видать ему Настьки, пока в казенные кузнецы не запишется. Насть, а зачем в казенные записываться, чтоб у нас девку сосватать?

Настя (*думая о своем*). Что? Подрастешь — узнаешь. Ну, и дальше чего?

Таня (*обиженно*). Не знаю! Меня из дома прогнали! Мамка сказала, что хорошо, что ей про тебя никого спрашивать не надо, она тебя и так с измальства знает. Тятю с Колькой из мастерской пришли, мамка меня и прогнала, а сами дома остались меж собой договариваться!

Настя (*ласково, благодарно*). Танюш, ты на меня не сердчай. Ты ж мне как сестренка младшая!

Таня (*радостно*). Правда?

Настя. Правда! Хочешь, расчеши волосы моим гребнем!

Таня. С камушками?

Настя. С камушками.

Комната погружается в темноту, другая сторона сцены освещается. На ней казенные оружейники.

Епифан Никонов. Вот так, други! А дальше все по обычаю — ударили с Никанором по рукам, расцеловались, да и породнились! А на сердце все не спокойно! ...А ну, как, правда, увезет Настю на чужбину?! Там, сказывают, и со шведами беспокойно, и ляхи то и дело высовываются!

1-й казенный оружейник. Да ладно тебе, Епифан! Какая же она чужбина, когда Белья Россия? Что Малыя, что Великия, все одно — Россия! На свадьбу-то позовешь?

Епифан Никонов (*очень серьезно*). Все общество! Если увезет Колька молодую жену на родную землю, пускай там знают, что туляки закон побратимства чтят, а люди с Белой России для нас, что родные!

2-й казенный оружейник. Стой, Епифан! Потом, что не сказал, доскажешь! Вот он, кабак-то! Пойдем, други, отпразднуем победу нашу справедливую над посадскими!

Картина четвертая

Обеденная комната кабака. За буфетной стойкой кабатчик в полотняном фартуке скучающе перебирает, рассматривает кружки, тарелки. Два дощатых стола с лавками. За одним из них сидят посадские оружейники, перед ними кружки с вином, тарелки с капустой и пирогами.

Филимонов (*встает с кружкой в руке*). Ну, что, други! Утерли мы нос казенным-то, а?! Будут знать, паскудники, на чьей стороне правда! (Дружно выпивают).

Входят казенные оружейники. Увидев посадских, останавливаются в дверях, переглядываются. Посадские оружейники умолкают, удивленно смотрят на вошедших.

Филимонов (своим, вполголоса). Казенные! У них-то что за праздник?!

Орехов (своим, вполголоса). Посадские! Челобитную свою празднуют! *(Епифан Никонов с решительным видом направляется к посадским кузнецам. Орехов придерживает его за рукав).* Ты куда, Епифан?

Епифан Никонов. Морды им бить! Вишь, какие довольные сидят!

Орехов. Погоди, не затем пришли, еще успеется! Они ж про нашу челобитную еще не знают! Давайте за стол, и будто их и нету тут! *(Все усаживаются за второй стол).* Кабатчик! Гости важные пришли, встречай!

Филимонов (своим, ехидно). Важные! Вот будет им с Москвы весточка, так враз в размерах уменьшатся!

К казенным оружейникам подходит кабатчик.

Кабатчик. Гости-то вы, может, и важные, да больно редкие!

Орехов. Вина неси! Эти *(кивает на соседний стол)* чего едят?

Кабатчик. Пирог с капустою.

Орехов (громко). А чего с них, с посадских, взять-то?! Капусту едят, капустой заедают! А нам, казенным, неси пироги с мясом и рыбою! *(Кабатчик уходит, возвращается с кувшином, кружками и тарелками).*

2-й казенный оружейник (встает с кружкой в руке, громко). За государей наших! Долгие им лета здравия! За то, что нас, кузнецов своих тульских, от прочих кузнецов отличают, милостями не забывают! *(Дружно выпивают).*

1-й посадский оружейник (встает с кружкой в руке, громко). За государей наших, и нас, холопов их верных, посадских кузнецов! Мы слуги честные, от казны ничего не утаиваем, не мошенничаем! *(Дружно выпивают).*

Продолжительное обоюдное молчание, неприятные косые взгляды на соседей.

1-й казенный оружейник (громко, ни к кому конкретно не обращаясь). А кто же это такой честный железо кричное, заместо жукового, нижегородскому Панкратке Парамонову продал?!

Молчание, тяжелое сопение. И те, и другие переглядываются между собой, выпивают. Снова молчат, сопят, снова выпивают.

Орехов. Посадские мастера известные! За алтын кому хошь чего сделают, лишь бы мошна толстела!

2-й посадский оружейник. А казенные чего, не за алтын ружья с саблями куют? Иль тока за добрые слова стараются?!

1-й посадский оружейник. Не, не за алтын! К ним без полтины не подходи!

2-й казенный оружейник. Ах вы, завистники... Мы ж тока для казны в оружейную палату делаем! А казна-то платит поменее, чем вы за свои ружья берете!

2-й посадский оружейник. А пятая деньга?! Мы рубль заработаем, так двадцать копеек в подать отдай, а вы-то все себе оставляете, пятую деньгу не платите!

Орехов. А нас царь-батюшка от вас отличает! За труды наши! *(Поворачивается к соседнему столу).* Федька-то ваш Карташов где? А?!

Филимонов (угрюмо). Раз было! И двенадцать лет тому!

Епифан Никонов (с деланным интересом). А что ж с Федькой-то случилось?

Орехов. А поймали как-то стрельцы на московской дороге лихих людей, стали пытать, где те оружие взяли. Они и покажи, что ни кто другой, как посадский кузнец Федька Карташов им шестоперы с кистенями сделал! Ну, и сгинул Федька! Не слышать боле о нем ничего!

Филимонов. Не за алтын Федька шестоперы делал! Вдова его, Прасковья Филип-

повна, сказывала, что стращали его сильно. Обещались мастерскую и дом с женой и детьми пожечь, ежели не сделает! А то ты сам, Никишка, не знаешь!

Орехов (угрюмо). Знаю! *(Встает с кружкой в руке).* За упокой кузнецкой души! *(Все встают).* Авось Федька ныне не чертям вилы делает, а архангелам мечи и пики кует! *(Казенные и посадские молча выпивают, усаживаются. Заметно, что все изрядно охмелели).*

Филимонов. Никишк, ты не серчай, что железо я у тебя перед Пасхою перебил!

Орехов. Да, оно мне, по правде, было-то без надобности...

Филимонов. Да, и мне тоже...

1-й казенный оружейник. Чего собачимся? Все там, где Федька ныне, будем... А там не перед воеводою ответ держать! Не слукавишь!

3-й посадский оружейник. Верно говоришь! Мы ж все оружейные кузнецы! ...Тут, давеча, довелось мне на иноземное ружье посмотреть. Ладно сделано. ...Да только супротив наших, что ребяенок перед мужиком! Боярин-то красотой его восхитился! Тут, спору нет, отделка получше нашего! А я-то не на красоту смотрел, восемь паек на стволе насчитал! *(Все понимающе покачивают головами).* Через три выстрела ствол, что решето будет! Может, и есть за границею мастера, да только тульским они не ровня!

2-й казенный оружейник. Давайте, братцы, за нас, оружейных мастеров, выпьем! На нас защита русской земли держится! Мы ее куем! *(Все выпивают).* Эй, кабатчик! *(К столу подходит кабатчик).*

Кабатчик. Чего надо?

Епифан Никонов. Вина еще неси! Небось, не кирпичники за столом сидят! Оружейное общество!

Кабатчик. Ну, уж, конечно! Заходили б почаще, и прибыль от вас был бы! А то... *(Машет рукой, приносит кувшин. Уходит).*

Епифан Никонов (не трезвым голосом, подперев щеку рукой). Заберут скоро из дома мою Настеньку! Уйдет в замужество, станет не дочь, а мужнина жена!

1-й посадский оружейник. Вон оно что! А мы гадаем, какого рожна вы в кабак явились!

Епифан Никонов. Да, не-е! Сватовство дома отметили. Тут другое, мы ж сегодня... *(1-й казенный оружейник тычет его локтем в бок).*

1-й посадский оружейник. Ну, и что сегодня? Первый скоромный день?

3-й казенный оружейник. Кому скоромный, а кому первый постный будет! Кляuzu свою пакостную благословить не постыдились! Что, думали не проведем про челобитную?! Завистники!

Орехов (нарочито равнодушно). Ваша челобитная вчера, а наша с благословением сегодня государям отправлена. Авось, не опоздали!

4-й казенный оружейник. Никогда посадским верх не взять! Прочитают государи нашу челобитную, враз правду распознают!

5-й посадский оружейник. Да вы, казенные, венник в бане заварить не сумеете, не то что ружейный ствол! Нам тоже ведомо, что в грамотах с оружейной палаты писано!

2-й казенный оружейник. А ты, что ж, хотел, чтоб две тыщи стволов без единой пайки были?!

2-й казенный оружейник. Стрелецкие полки палят, не жалуются! Не превзойти вам наше мастерство, куда вам! Хоть каждый день челобитные кляузные на Москву шлите!

3-й посадский оружейник. А из наших не палят, что ли?!

2-й казенный оружейник. Вот ваши пищали нам на переправку и присылают!

Общий громкий спор, из которого понятны лишь слова: «А мы напишем...».

«А мы напишем...», «А мы...», «А мы...». Епифан Никонов в споре не участвует, сидит молча, думает о своем. Неожиданно встает, грохает кружкой о стол. Все удивленно умолкают.

Епифан Никонов. Через четыре дня дочь моя под венец идет! Всех на свадьбу зову! Так со сватом решили! Все оружейное общество! И казенных, и посадских! Уедет Колька Семенович с Настей в родные края, что о нас, оружейниках, там скажет?! Молва о тульских мастерах уж до Урала дошла, купцы, вон, руду железную нам от туда везут! Да, Колька-то не купец, он наш, оружейный! И про свары наши с измальства знает, и про челобитные! Врать не станет! И пойдет о нас на Белой Руси другая молва, как о псах глупых, что меж собой лаются, славу поделить не могут! А она ж у нас общая, ее напополам не разобьешь! Так пускай на Белой Руси о Туле прознают, как про город оружейных мастеров, а не кляузников да челобитчиков! *(Обводит всех сидящих за столами взглядом).* ...Что, не правду говорю?

Орехов. Верно, говоришь, Епифан!

Филимонов. Правильно!

Епифан Никонов (вновь обводит всех взглядом). Я вот о чем думаю, други! Внуков своих я, по всему, не увижу! Но знать, что на Туле у них дед родной, они будут! ...А внуки внуков, и их внуки, может, уж и позабудут, что у нас и у них кровь единая? *(Встает).* А нельзя забывать-то! *(Выходит на авансцену).* ...А, может, не забудут? *(Оружейники встают из-за столов, подходят к Никонову).* Будут помнить потомки о давних побратимах, и о нас, прадедах своих, кто славу оружейную для Тулы и туляков выковал? Ведь не заботы свои и споры мы им в наследство оставили, а славу свою! Славу города мастеров! *(Всматривается в зал).* Будут?

Занавес

Набойник — металлическая нащепка на конце деревянного шомпола для забивания в ствол пищали порохового заряда.

Срывка — взятка.

Кричное железо — железо низкого качества.

Жуковое железо — железо высшего качества.

Править, переправить — ремонтировать.

Николай Тимохин
(г. Семипалатинск, Казахстан)

ЛЮБОВЬ — ДО ГРОБА
(Остросюжетная повесть)

Тимохин Николай Николаевич родился и проживает в Казахстане, в г. Семипалатинске. Окончил филологический факультет Семипалатинского пединститута. Член Союза писателей России, член Союза журналистов России, председатель казахстанского отделения Всемирной корпорации писателей. Зам. главного редактора по международным литературным связям журнала «Северо-Муйские огни», (Бурятия, Россия). Член редколлегии журнала «Огни над Бией», (г. Бийск, Россия). Член литературно-художественного совета журнала «Метаморфозы», (г. Гомель, Беларусь). Один из составителей первого номера журнала «Литкухня», (Берлин, Германия, 2013). Региональный представитель в Казахстане журналов «Мир животных», «Эколог и Я» и «Метаморфозы» (г. Гомель, Беларусь). В сентябре 2013 года являлся преподавателем дистанционного обучения Берлинского литературного института им. А. Чехова, где вел авторский литературный курс «Современная методика написания стихотворений». С двадцати лет пишет стихи. Они неоднократно печатались на страницах местных газет и размещаются на литературных сайтах в Интернете. Автор четырнадцати книг стихов и прозы, вышедших в разное время в Казахстане, России и Канаде. Награжден многочисленными грамотами, благодарственными письмами и дипломами от редакторов журналов России, Беларуси и Германии. Проза и стихи Н. Тимохина многократно были опубликованы в различных литературных изданиях России, Украины, Беларуси и Германии.

В основу новой остросюжетной криминальной повести «Любовь до гроба» известного казахстанского литератора Николая Тимохина, автора остросюжетной повести «Перстень графа Митрофанова», легли реальные события из материалов уголовного дела, имевшего место в середине лета две тысячи шестнадцатого года в одном из казахстанских городов. Любовь и ненависть, измены и предательство, драки и убийства делают сюжет этой драмы еще более захватывающим. Повесть рассчитана на широкий круг читателей, равнодушных к проблемам современного общества, и напечатана в издательстве MSBooks Publishing, г. Виннипег, Канада, в 2016 г., (ISBN 978-0-9877600-8-1).

Часть первая

1

На свой школьный выпускной вечер Людка Семакина, как и положено в таком случае, готовилась заранее. Причем, за несколько месяцев. Девушка знала, что по красоте на этом балу ей не будет равных. Хотя есть, конечно, несколько смазливых девчонок, на которых засматриваются пацаны не только из их класса, но даже и из параллельного. И все равно, Людка была уверена, что вскружит голову всем мальчишкам. Не говоря уже об однокласснике Шадрове, который в нее и без того влюблен без памяти.

Другая девушка на ее месте, скорее всего, призадумалась бы и решила для себя, принимать или отвергать назойливые, но искренние ухаживания Семена. Но Людка не стала обременять себя такими мелочами и ломать голову по каким-то пустякам. Она просто позволяла Шадрову себя любить, но при этом не переходя никаких границ и не распуская руки. «Я еще нецелованная девушка», — как-то рассказала Людка не на шутку распалившемуся Семену, когда он поздно вечером провожал ее домой. А про себя добавила: «Тобой, мальчик мой, нецелована».

Но Семен расценил слова своей девушки по-своему, то есть, так, как и надо. И решил, что сразу же после окончания школы сделает Семакиной предложение.

Назвать красавицей Людку смог бы, наверное, не каждый. Но она обладала каким-то скрытым шармом, притягивая к себе, словно магнитом, представителей противоположного пола. Причем на нее заглядывались даже такие мужчины, которым она годилась в дочери. А круг ее знакомых был настолько широк, что она часто забывала имена своих новых поклонников.

Все мысли в Людкиной голове были нацелены на что угодно, только не на учебу. Уроки она не пропускала, но любимых предметов не имела, а две «четверки» за последние несколько лет получила только по физкультуре. И то, когда, улучив момент, стала строить глазки молодому учителю, сдавая норматив по бегу.

Семакина никак не могла дождаться окончания школы. Поступить она никуда не думала. Была уверена, что с ее обаянием, если уж не весь мир будет у ее ног, то хотя бы лучшая его половина. А ею, по мнению Людки, являлись состоятельные представители противоположного пола, которые часто не могли отвести глаз от ее стройной фигурки.

«Везет же Бараковой, — часто думала Людка. — И школу-то закончила в прошлом году еле как, чуть не выгнали. И с предками своими постоянно лаетя. А живет так, что позавидуешь. Всегда с деньгами. И хахали за ней наперегонки на машинах подъезжают».

— А ты Людка, не дури, — говорила ей подруга. — Вот отмучишься, получишь аттестат зрелости, поймешь, что уже созрела кое на что... И сразу же иди к нам в ресторан, официанткой. Работа непыльная, будешь сытой, чаевые почти всегда. Богатеньких мужчин — море! Выбирай кого хочешь...

— Снежана, да пойми ты, не могу я прислуживать. Я сразу же всех там пошлю куда подальше!

— Ох, ты, какие мы гордые! Прислуживать она не хочет! Да у нас половина девок, официанток, после работы уезжают с клиентами на всю ночь! Даже посудомойка от них не отстаёт! И все они живут так, что тебе и не снилось. Со смартфонами последних моделей, с телевизорами на всю стену, и одеваются — полный улет!

— Ладно, уговорила, — согласилась Людка. — Там видно будет. Надо сначала как следует отгулять выпускной, чтобы на всю жизнь запомнился.

— А чего там запоминать, — возразила Баракова Снежана, — я в прошлом году напилась шампанского и, после салюта во дворе школы, сразу уехала с одним пацанчиком. К нему домой.

— Нет, я так не хочу, выпускной — это один раз в жизни. А пацаны, мужики еще будут. Вот только не знаю, что мне надеть на бал. Новое что-то прикупать средства не позволяют. У матери просить бесполезно. Она всю жизнь без денег.

— Ну, ты сильно-то не размахивайся, это же не свадьба. Туфельки подбери и платье. Самое главное.

— Понятно, что не телогрейку и трусы. Только, подруга,— с грустью сказала Семакина,— нет у меня ни того, ни другого. И даже ни третьего, того, кто смог бы мне обеспечить и первое, и второе.

— Ладно, не ной,— успокоила ее Снежана.— А то я сейчас заплачу. Туфли я тебе дам, свои. С прошлого выпускного у меня остались. Я их, почти что, больше и не одевала. А с платьем что-нибудь придумаешь. Голова у тебя и время на это еще есть.

После этого разговора Людка и вспомнила про Шадрова. И, правда, а почему бы его не попросить о помощи? Мужчина он, в конце концов, или нет? Конечно, как мужик он, может быть, и никакой, но все же пусть себя проявит хоть в этом. И в этот же вечер она набрала номер телефона своего одноклассника.

— Семочка, приветик! Ты чем сейчас занят? Ничем? Ждешь, когда я тебе позвоню?

«Вот дебил-то,— подумала Семакина,— долго бы ты меня еще ждал». И продолжила:

— Ой, а я вот скучаю, хотела выйти прогуляться... И ты тоже? Надо же, как у нас мысли схожи...

«Еще бы также желания совпали насчет моего выпускного платья»,— рассуждала сама с собой Людка, спешно собираясь на свидание.

Вечер выдался теплым и безветренным. Воздух казался таким свежим и легким, что его с жадностью хотелось вдыхать полной грудью.

В условленном месте, с тюльпаном в руке, Семакину уже поджидал ее друг.

— Ты где успел цветок взять? — не глядя в лицо парня, спросила Людка, при этом приняв подарок.

— Привет, это мой секрет,— сбивчиво, словно боясь спугнуть свое счастье, заговорил Семен.— Хотя ладно, скажу. Я съездил в цветочный киоск... Ну, куда пойдем?

— Да... знаешь,— капризно начала Людка,— вообще-то я долго не могу гулять. Голова болит.

— Голова-а-а? — удивленно и слегка расстроено протянул Шадров.

— Да. От одной проблемы.

— А в чем дело? — поспешил поинтересоваться парень.

И Людка ему сразу же рассказала о том, что она не может пойти на их выпускной вечер из-за того, что у нее нет нового платья.

— Да. Представь себе. Я не могу пойти на бал в чем попало. Я должна выглядеть суперски. Да и ты, думаю, сам это понимаешь...

Ее лицо стало таким жалким и, как показалось Семену, еще более красивым, что он тут же произнес:

— Люда, не переживай, я что-нибудь придумаю, обязательно.

— Ты? — нарочито удивилась девушка.— Да чем ты сможешь помочь? Хотя, ты очень хороший парень и мне сильно нравишься. Но новое платье стоит дорого, а денег на него у тебя нет...

Домой Семен возвратился неразговорчивым и сразу прошел в свою комнату.

— Сынок, ты ужинать будешь? Иди, мой руки? Сема, ты что, не слышишь? — позвала его мама, заходя в комнату сына.

— Да не хочется что-то...

Но женщина не унималась и выяснила у сына причину его расстройства. Оказывается, у его девушки нет денег на покупку платья для выпускного вечера. И по этой причине она тогда вообще не пойдет на торжество.

— А если Люда не пойдет, тогда и я не пойду тоже,— в сердцах сказал парень.

И у женщины с сыном состоялся серьезный разговор. Семен попросил маму, чтобы она для этой цели разрешила ему взять те деньги, которые они откладывала ему на костюм для выпускного вечера.

— Мне новый костюм совсем не обязателен,— быстро говорил Семен, боясь, чтобы мать его не перебивала.— У меня еще и этот неплох. Его только надо кое-где почистить и погладить.

Мать пробовала возражать сыну, и противилась тому, чтобы он отдал деньги своей однокласснице, которая еще неизвестно будет его невестой или нет, но Семен, настаивая, сильно просил ее, и женщина согласилась.

— Ой, сынок, смотри, поступай как знаешь, тебе жить, лишь бы ошибок не понаделал, да не пожалел потом.

2

Музыка на первом этаже школы гремела так, что, казалось, весь близлежащий жилой район в эту ночь спать не будет. Этот выпускной вечер мало чем отличался от стандартного проведения подобных ему мероприятий. Родители, собравшись большой и веселой группой, засели праздновать торжество в кабинете на первом этаже. А их неожиданно повзрослевшие дети, на какое-то время, среди ночи и праздника были предоставлены сами себе.

Мальчишки-выпускники старались выглядеть важно и ходили по-деловому степенно, впервые чувствуя себя свободными в стенах школы. Причем настолько, что можно было пройтись перед дежурившими учителями, выпив шампанского и не скрывая запаха сигарет.

Но, конечно же, главным и захватывающим зрелищем вечера были его выпускницы, еще вчерашние девчонки. В своих воздушных нарядах они порхали как бабочки, больше напоминая юных невест. На их сияющих от улыбок и счастья личиках было написано, что с детством они распрощались уже навсегда и готовы к взрослой жизни. Казалось, что они жаждут не просто шагать, а бежать по новой, широкой и неизведанной дороге, по которой каждую из них поведет судьба, лишь стоит им хлопнуть за собой дверь родной школы.

Выпускники, разбившись на небольшие группки, с деловым и веселым видом без усталости сновали туда-сюда. Казалось, что от этого их становилось в два раза больше. За ними было сложно уследить.

Семен весь выпускной вечер старался не упускать Люду из вида. К тому же, девушка в своем новом платье, которое парень помог ей купить, выглядела непросто эффектно, а сногшибательно. Платье красиво облегалo стройную фигурку выпускницы. А открытая спина, обнаженные плечи и небольшое декольте придавали некий сексуальный вид и без того не обременяющей себя рамками приличия Семакиной. Ее одноклассницы были не менее привлекательны, но почему-то именно Людку пригласил на медленный танец учитель физкультуры, который так щедро ей ставил четверки.

Танцую с ним, свободная от всех школьных норм и правил поведения, Семакина так строила ему глазки, что это заметила завуч по воспитательной работе. А немного погодя физрука увела домой пришедшая за ним в школу его жена.

Семену тоже хотелось станцевать с Людкой. На что она парню сразу же ответила, что «весь вечер еще впереди, не торопись. И дай мне отдохнуть в последний раз с моими одноклассниками. Когда еще потом мы все соберемся?»

Проведение выпускных вечеров из года в год — это не только радостное и торжественное событие для руководства и учителей каждой школы, но еще и ответст-

венное и даже нервное мероприятие. Ведь, прежде всего, в это время надо в школе обеспечить не просто общий порядок, но и безопасность учащихся.

А обоснованные опасения для организаторов вечера, прежде всего, могут составить бывшие ученики школы. Вызывают тревогу те, кто закончил школу два-три года тому назад. И причем не на пятёрки с четвёрками. Да и репутация у них, мягко говоря, оставляла желать лучшего. Одним словом, им бы сидеть дома, да вспоминать о своей школе, обходя ее двумя улицами, так нет же, как раз такие и намереваются каждый выпускной любыми путями попасть на школьный бал.

В это время дежурные учителя на первом этаже школы всегда начеку. Ведь охранники им тут не помогут, так как они в лицо не каждого ученика-то знают, а бывших тем более.

К тому же эти парни, спешащие на выпускной без приглашения, всегда одеваются чисто, в костюмчики. И отличить таких непрошенных гостей от виновников торжества порой даже не могут сами родители, которые тоже не знают в лицо всех одноклассников своего ребенка.

С этими незваными гостями надо обходиться всегда деликатно и, главное, не пропустить их внутрь школы. Ведь в разные годы бывали такие случаи, когда посторонним лицам их приятели с выпускного вечера открывали окна на первом этаже и проводили на бал.

И если в самой школе общими усилиями подобную ситуацию еще как-то можно проконтролировать, то в школьном дворе, когда время уже за полночь и ничего не видно — практически невозможно. Поэтому учителя с такими непрошенными гостями всегда стараются не накалять обстановку, а разговаривать вежливо. Ведь всю ночь выпускники выходят во двор проветриться, а среди них, конечно же, девушки. А значит, они в первую очередь находятся в так называемой зоне риска. И причем, такие девушки, как Семакина, которую в самый разгар выпускного вечера никак и нигде не мог найти Семен.

Пропажу Семакиной тоже заметила и завуч. Правда, если бы физрука после его танца с Людкой не увела жена домой, то можно было бы что-то и заподозрить. Но сейчас все выглядело по-другому. Завуч решила панику не поднимать, а подождать до рассвета, может, все само собой решится, и Людка еще и придет. А если нет, так что же?

«Аттестат она получила, школу закончила, уже взросленькая. И хватит за ней учителям бегать-то», — думала завуч, и все же в душе невольно беспокоилась за выпускницу. А тут еще, как назло, дежурные учителя сообщили, что во дворе школы есть посторонние. А именно: прошлогодняя выпускница Баракова и с ней еще трое парней, один из которых тоже бывший ученик, окончивший школу два года назад, Виктор Дипунов.

— Какие-то незнакомые ребята. Они сидят около волейбольной площадки в кустах и курят. А, может быть, даже и пьют, — озираясь по сторонам, чтобы никто не слышал, тихо сообщила завучу учительница химии. — Может быть, взять кого-то из мужчин-учителей или родителей и сходить посмотреть?

— Давайте пока подождем и просто понаблюдаем, — также негромко ответила завуч и вышла в школьный коридор. Почему-то ей снова вспомнился танец физрука и Семакиной, и то, как выпускница на него смотрела.

А Людка действительно в тот момент была на седьмом небе от счастья. Еще бы! Теперь она была независима от этого учителя и могла смотреть на него как на простого мужчину, который испытывает к ней нескрываемую симпатию. И все бы ничего, но тут девушка заметила, что на них строго и проницательно смотрит эта «заучиха» по воспитательной работе.

«Фу, крыса, она и тут достает», — подумала Людка, и сразу же после медляка с

физруком вышла из танцевального зала. Как только отзвучали последние аккорды музыки, она почувствовала, как в ее маленькой сумочке что-то шевелится и пищит.— Мобила, звонок!

— Да, Снежок, дыши! — ответила девушка на звонок в трубку.— А ты и так дышишь? Где, на улице во дворе? Возле волейболки? Иду... С тобой еще парни есть? Ну, счастливая... Сейчас разберемся...

К своему великому сожалению, завуч школы по воспитательной работе никак не смогла припомнить, кто такой этот Виктор Дипунов. Фамилия-то вроде и знакомая, а его лица женщина никак не могла себе представить. Не станет же она у других учителей уточнять про какого-то Дипунова! Это совсем нехорошо получится.

Но тут, к счастью, к завучу снова подбежала молодая химичка и, словно читая ее мысли, опять заговорила про Дипунова:

— Этот Виктор, ну, который Дипунов, теперь уже точно расположился со своей компанией за волейбольной площадкой. Я его еле вспомнила. Он в позапрошлом году перешел к нам в десятый класс из другой школы. Его там чуть ли не выгнали за драку.

И тут завуч школы вспомнила этого ученичка наверняка. Высокий, худощавый, но крепкий парнишка, с пронзительным взглядом, который не каждый учитель мог выдерживать. Резкий в разговоре, где-то даже наглый. Но всегда знавший меру своим грубостям. Изворотливый, не любящий проигрывать и не терпящий своих обидчиков. В чем-то даже жестокий. Плохой ученик и такой же неважный товарищ, но умеющий держать лидерство в классе не только среди мальчишек, но и среди девчонок. Вот, пожалуй, и все, что могла о нем бы сказать завуч школы.

— О, а вот и наша выпускница-озорница,— радостно встретила подругу сидящая в кустах в компании каких-то ребят Снежана.— Присоединяйся к нам. Выпьешь? Но сначала познакомься с правильными пацанами.

За знакомство, естественно, полагалось выпить. Хотя Людке этого не хотелось, ведь почти вся ночь еще впереди, и было желание танцевать и веселиться. Но отказываться от угощения было нельзя. Ведь она теперь «стала взрослее на целую новую жизнь», как позже об этом отозвался ее новый знакомый и заводила ночной компании, очень даже неплохой паренек — Виктор.

Как и следовало ожидать, одним тостом новое знакомство не ограничилось.

— Жизнь прекрасна, пока она полна такими красивыми девушками,— сказал Дипунов. И добавил, выпив свою рюмку,— Конечно, может это звучит и банально, но зато справедливо! И таким дамам не место в этих кустах. Предлагаю продолжить нашу встречу в хорошем месте.

За такой тост тоже надо было выпить до дна. И голова Семакиной не просто кружилась, а уже ехала в каком-то непонятном направлении. Слегка покачиваясь, она встала и, сказав, что пошла в школу за своими вещами, удалилась.

— А что, Снежка, классная телка твоя подружка! И что это ты ее от меня скрывала?— обрадовано сказал Виктор.

— У этой классной, как ты посмел заметить, телке, есть свой ухажер. И на этот выпускной бал он за свой счет одел Людку в новое платье.

— Напугала! Молчу-молчу... Ну кто-то, может быть, и одел ее в платье, а я его сниму,— с полной уверенностью заявил Виктор.

— Ой, посмотрите, какой герой-любовничек выискался,— поиздевалась над парнем Снежана.— Да Людка хоть и не подарок, но она не такая, как ты думаешь. За себя сможет постоять. И к тому же, она еще девственница.

Последнюю фразу она проговорила шепотом, с заговорщическим выражением лица.

— Если Люда, как ты говоришь, сможет за себя постоять,— не унимался, Дипунов,— то уж полежать за себя, точно, не откажется. Со мной. Спорим?

Наверное, выпитый алкоголь уже делал свое недоброе дело в головах молодых людей, потому что Снежана сразу же подхватила предложение Виктора.

— А-а, давай! На что спорим? Что ты охмуришь Людку, да? И завалишь ее к себе в койку? Одним броском — на две лопатки? Да ничего у тебя не выйдет! Хотя, ладно, — и девушка слегка призадумалась, — ведь победитель, ну, то есть я, получает... — мобильник!

— Не крутовато ли будет? Зачем тебе мобила? У тебя и своя с Интернетом, — поначалу возмутился Виктор. Но, одумавшись, добавил:

— Хотя, почему нет? Победителем-то все равно буду я. Ладно, я тебе подгоняю мобилу. Конкретную, но, скорее всего, бэушную, пойдет? Согласна? А ты мне...

И тут парень, немного задумавшись, оценивающим взглядом окинул Снежану:

— Себя пообещаешь, усекла?

— Я что-то не поняла, — девушка в недоумении даже неправильно сказала «не поняла», сделав ударение на «о». — Как это себя?

— Ну, это... короче... один раз со мной переспшишь, — пояснил Виктор, внимательно посмотрев в глаза девушки.

— Чего? Ага, разбежалась... Аж два раза, — от возмущения глаза Снежаны округлились, и она не могла подобрать слова.

А Виктор спокойно продолжал:

— Ну, два так два, мне еще лучше. Заметь, сама предложила! А что ты буксуешь? Ты же уверена в моем поражении... Разве не так? Ну, так что, по рукам?

— А-а, по рукам, чего там?! — и в ответ девушка протянула Дипунову свою ладошку.

— Заметано, — уточнил спорщик и звонко хлопнул своей ладошкой по ладони Бараковой.

Тут внимание молодежи привлек легкий шум: шаги по траве, а затем несколько непечальных слов на тему: «как у вас здесь темно...». Из кустов на волейбольную площадку вышла раскрасневшаяся и слегка покачивающаяся Людка. У нее в руке была маленькая сумочка и легкий жакетик.

— О! А вот и Люда пришла, — обрадовался Дипунов и с хитрецей подмигнул Снежане.

Девушка все поняла и в ответ засобиралась: «Мне тоже надо двигаться. Как говорится — ботинки жмут и нам не по пути!» Следом за ней, как по команде, поспешили и два товарища Дипунова, с которыми он пришел в школу. Но уже за воротами школы молодежь разбрелась кто куда.

— И мы пойдем тоже, — сказал Виктор Людке. — У меня есть одно укромное местечко. Там и отдохнем.

Наступал рассвет, и девушке действительно очень хотелось спать. Да и выпитый алкоголь безжалостно делал свое дело. Дипунов слегка приобнял покачивающуюся Людку, и они, выйдя за территорию школы, вместе шагнули в темноту...

3

Когда уже под утро после своего выпускного вечера Семен пришел домой, то мама не спала и ждала его. Женщина заметила, что сын невесел, но решила, что парень устал и хочет спать. И все же ей не терпелось узнать, как прошло торжество. Ведь почти сразу после вручения аттестатов зрелости и, едва успев поздравить сына, женщина ушла домой, так как почувствовала себя неважно. Начались танцы, загремела музыка, и у нее подскочило давление.

— Мама, да все прошло хорошо, не беспокойся, просто я хочу очень спать, — ответил на вопрос матери Семен.

— А как же Люда, твоя девушка, ты с ней танцевал?

— Мам, она еще пока не моя девушка, я же тебе говорил. Просто я очень хочу, чтобы она ей стала. Да, мы с ней потанцевали. Все было замечательно.

И Семен прошел в свою комнату. Несмотря на столь ранний час и бессонное времяпровождение, ему не спалось. Он постоянно думал о Людке. «Куда она могла деться? Почему не сказала ничего? Хоть бы попрощалась...». Шадров на какое-то мгновение представил, что ей угрожает опасность, а он спасает девушку из сложной ситуации. И Семакина благодарит парня, они улыбаются, им хорошо. Но Людкина душа — это какие-то потемки, темный лес. И ничего там не разобрать. Не видно. Ночь безлунная и посветить нечем. Разве что разогнать мрак своим сердцем, вырвав его из собственной груди, словно горьковский герой — Данко.

Тут парень почувствовал, что его мысли невольно складываются в рифмованные строки и получается стих. Семен никогда раньше не писал стихи, хотя они ему нравились. Шадров много читал, но себя в роли поэта никогда не пробовал. А тут вдруг, схватив ручку и лист бумаги, стал быстро записывать все, что приходило в голову:

*Иду я по темному лесу,
По лесу твоей души.
И в самую чащу лезу,
Боясь затеряться в глуши.
Мысли твои — потемки.
И к сердцу не попадешь.
Сверкают твои глазенки,
Меня ли к себе зовешь?
Открой, покажи свою душу,
Не надо пускать темноты.
Я не боюсь, не струшу,
Ведь та темнота — это ты.
Темноту пробивает лучик,
Этот лучик — моя любовь.
Тебя он собой замучил,
Но он здесь, не уходит прочь.
Ты не думай, что это случай.
Вся сама ты — темная ночь.
Как Данко, вырву я сердце,
Чтоб темноту превозмочь.
Возьму и открою дверцу...
Ты мне не хочешь помочь?*

И только когда Семен дописал последнюю строку и прочитал все, что у него получилось, то немного успокоился и на несколько часов заснул. Утром парню захотелось показать свое творение матери, ведь она должна его оценить. И по ее реакции будет понятно, дарить этот стих той, кому он и был адресован или нет.

— Я, конечно, не специалист в области поэзии, и тем более не литературный критик,— начала разговор с сыном женщина,— но сразу скажу, что недурно. Для первого раза неплохо, только надо бы над текстом еще поработать. У тебя кое-где размер стиха хромает, строки рваные получаются и неровные. Это даже на слух улавливается.

— Но мам, я же не собираюсь его в журнал или газету посылать для публикации. Всего лишь подарю своей девушке, той, кому оно и адресовано.

— Пойми,— возразила мама Семена,— поэзия — это творчество, труд. Работа, если хочешь. А любое дело надо изначально делать или хорошо, или вообще тогда не делать. К тому же, ты здесь рассуждаешь о Данко. Я по школе помню, что он — пер-

сонаж третьей части рассказа Максима Горького «Старуха Изергиль», пожертвовавший собой и спасший свой народ с помощью горящего сердца. А ты собираешься жертвовать собой ради одного человека. Ей это надо? Если любовь жертвенная — она недолговечная и некрепкая.

— Ну, я хотел сказать,— стал объясняться юный поэт,— что у меня к ней «любовь до гроба», понимаешь?

— Нет, не понимаю! Что значит, «до гроба»? Любовь с оговорками, ограничениями? Настоящая любовь, она — бессмертна. И душа, оставив брэнное тело, обязательно найдет на небесах свой объект земной страсти. И уже там они будут вместе навечно. Усек? А ты говоришь — до гроба.

— Ты знаешь мама,— не унимался сын.— Я совсем не могу представить себя старым. Мне кажется, что я просто не доживу до такого состояния.

— Брось сынок,— резко сказала женщина.— Не пори чушь! Каждый человек не может представить себя стариком, потому что так устроен организм. В своем подсознании человек должен жить только настоящим и надеждами на светлое и счастливое будущее. Которое, по сути, и есть в его руках. И если человек будет здоров и жизнерадостен, то, в общем-то, он не станет обращать внимание на свой возраст. И тем более заикливаться на этом.

После этого недолгого разговора с мамой Семен все же решил подарить свой стих Людке. Но сегодня и завтра он ей звонить не станет, как бы ему этого ни хотелось, а выдержит паузу. Пусть Семакина задумается над своим поведением.

А Людке и вправду было над чем задуматься. Когда она проснулась ближе к полудню на каком-то чужом широком диване, в незнакомой квартире, с тяжелой головой, тошнотворным состоянием и не проходящей сухостью во рту, она окинула взглядом незнакомое помещение. И обомлела...

В небольшой плохо убранной душевной комнате, где стоял раскинутый диван, находился маленький столик с остатками на нем нехитрой закуски, с парой пустых бутылок и бокалов. У стены на старом кресле было небрежно брошено ее выпускное платье. А на полу Людка увидела, хотя и не сразу-то поняла, что это... свое нижнее белье: узенькие трусики и лифчик. Они тоже валялись, как попало, недалеко друг от друга. «Что это все значит? Где я?»

— Эй! — негромко, но уверенно позвала девушка.— Есть кто?

На ее голос с сигаретой во рту вышел какой-то незнакомый парень с початой бутылкой пива в руке.

— А ты кто? — тихо спросила Людка.

— Если я тебе скажу, что я Филипп Киркоров, ты ведь все равно мне не поверишь,— спокойно проговорил Виктор, выпуская клубы дыма в ее сторону.— Доброе утречко, выпускница! Забыла, как вчера в нашей компании зажигала под коньячок на школьном дворе? Пива хочешь? На, охлади свой ночной любовный пыл.

— Пошел ты, козел,— процедила сквозь зубы Людка и, прикрываясь простыней, выхватила у него бутылку.

— Так-то оно будет лучше,— согласился Дипунов.— А про козла ты, подруга, верно заметила. Разве станет нормальный пацан сидеть в одиночестве на кухне, когда у него на диване такая красотиуля лежит? А ну, двигайся...

4

Домой после выпускного бала, Людмила Семакина вернулась только вечером следующего дня. Ее мать даже и не поинтересовалась столь долгой задержкой дочери в школе. Хотя у Людки был уже заготовлен ответ. Она, типа, ездила кататься на второй день со всем классом на прогулочном теплоходе по Иртышу, на остров Медвежонок.

Последние несколько лет Людкина мать вместе со своим сожителем любила час-

то прикладываться к рюмке. Их семья, по оценке завуча школы по воспитательной работе, была неблагонадежной. И, конечно же, Людкина мать не обременяла себя такой проблемой, как воспитание дочери. Скорее, наоборот, она ждала того момента, когда Людке стукнет восемнадцать.

— И тогда уже ты, Людка, можешь выбирать себе хахалю. Только не какого попало, как твоя мамка по молодости, дуреха. А надежного, с деньгами. Чтобы он и мне потом смог бы копеечкой подсобить, а что? — часто слышала Людка от матери.

Отца своего Людка не помнила, они разошлись с матерью, когда девочка была еще совсем маленькой. А потом спустя какое-то время у Людки появился отчим — дядя Женья. К падчерице он относился «ни тепло, ни холодно», почти никак. Но и зато конфликтов между ними никогда не было. Даже более того, мать поменяла Людкину фамилию. Потому что тогда бы она оставалась по матери — Лескина. Но передавать свою фамилию Людке женщина не желала, чтобы вместе с ней к дочери не перешли те неудачи в личной жизни, которые испытали ее родители.

Настоящую фамилию своего отца Людка не знала, в глаза его никогда не видела и почти ничего о нем от матери не слышала. И с тех пор девочка была, как и дядя Женья, — Семакина.

— А чего, живи и радуйся, — так объяснила свое решение женщина. — Все равно, когда выйдешь замуж, то возьмешь себе ту фамилию, которая тебе понравится.

Казалось, что жизнь девушки только и должна была приносить радость. Но последнее событие в своей жизни Людку сильно шокировало. Оно просто выбило Семакину из колеи. Как так? Какой-то козел воспользовался ей, словно продажной тварью. Конечно, раскисать и впадать в депрессию Людка не собиралась. Но готова была возненавидеть всех подряд особей мужского пола.

— Все они гады, сволочи, ничтожества. Поотрывать бы им их сосиски да скормить злым псам, — в сердцах думала Людка. И от этих мыслей ей как будто становилось легче. — А этот конченый тип, Виктор, еще у меня попляшет.

Но Дикинов был в расслабленном спокойном состоянии у себя в квартире, которую ему снимали его знакомые. А точнее, те люди, чьи задания он выполнял. Правда, настоящих дел-то еще не было, так, одно мелкое. Но даже из-за него важные люди снимают Виктору эту квартиру. В надежде на то, что вскоре Дипунов себя еще проявит. И время не заставило долго ждать.

Не успел Виктор еще отоспаться от выпускного и отойти от выпитого, как под вечер в его дверь постучали. На пороге стоял Смирный, он же Алексей Смирнов.

— Ну, проходи, — слегка удивленно проговорил Дипунов.

— Здорово, — шагнул в коридор Смирнов. — Я к тебе с дороги. До утра перекантуюсь, разговор есть. Дельце одно. Стол готов. Да, тебе привет от Деда.

Виктор и сам не заметил, как на кухонном столе появилась закуска из спортивной сумки Алексея и бутылка водки.

— Садись, — на правах хозяина сказал Смирнов Дипунову и стал разливать в рюмки. — С первым делом ты спарился нормально. Вот твоя доля, от Деда.

И гость положил перед парнем пачку казахстанских банкнот.

— А почему в тенге? — слегка недовольно спросил Виктор.

— А потому, что тебе, желторотику, баксы никто не даст. Сейчас курс доллара скачет, и в обменниках лишних раз с зеленью светиться не резон, тем более тебе. Скажи спасибо и за это.

— Спасибо...

— То-то же... Слушай новое задание. Дед в Алматы открывает несколько ночных клубов и еще кое-что, куда нам с тобой нос совать не надо. И для этого ему нужны работники, точнее, девушки. На время, на заработки. Приедут в Алматы, поработают лето — и назад, домой. Соображаешь?

— Пока нет.

— Плохо, включай мозги скорее. Деду надо у вас в городе подыскать одну, две телки и отправить, я уже сказал куда. За это ты получишь свой процент.

Задание было непростое. Но в тоже время Виктору стало приятно, что, несмотря на его неопытность и молодость, с ним разговаривают почти что на равных. И ему доверяет сам Дед. От Алексея парень и раньше знал, что Дед — авторитет среди криминального мира Алматы.

Он еще по малолетке был осужден за непреднамеренное убийство, драку в кафе. Тогда еще, будучи молодым человеком, в пьяном виде так толкнул своего обидчика, что тот, ударившись головой об пол, больше никогда уже не мог ее поднять. Отсидев свой срок, Дед, выйдя на волю, почти сразу же женился. Но его семейное счастье стало недолгим.

Однажды, отдыхая с друзьями в ресторане, Дед заступился за смазливую деваху, до которой домогались незнакомые ей мужики. Но и здесь не повезло защитнику милой красотки. В драке он нанес несколько сильных ударов обидчикам девушки. Девушка-то с визгом убежала, а ее защитник оказался один на один с незнакомцами, которыми потом оказались работники правоохранительных органов.

В результате следствия по этому делу было установлено, что бывший уголовник Деденко, находясь в пьяной компании с такими же друзьями, стал приставать к скромной и беззащитной девушке. А работники органов заступились за нее, но, правда, сами сильно пострадали от рук уголовного. В итоге Деда опять посадили, и теперь уже надолго.

— Сколько у меня на это времени? — с готовностью спросил Виктор, вернувшись к своему заданию.

— Это дело не одного дня. Не спеши, но будь всегда готов, как пионер. По возможности, разработай базу данных,— остепенил его Смирнов.— Я у тебя пару дней пробуду. У меня в городе запланирована еще одна встреча и важный разговор. А назад в Алматы меня увезут на машине.

Виктор задумался о новом деле, которым его озадачил Смирнов и, казалось бы, напрочь забыл о Людке. А зря... Она-то как раз все это время думала о своем обидчике, вернее, вынашивала план мести Дипунову. И не собиралась с этим затягивать. Жаль, что поговорить, посоветоваться на эту тему девушка ни с кем не могла.

Как только Людка пришла домой после выпускного, на следующее утро ей позвонила Снежана Баракова. И уж как-то сильно подробно и настойчиво стала выпрашивать о том, куда это Семакина ушла с волейбольной площадки среди ночи, да еще и в компании малознакомого ей парня?

«Вот ей-то какое дело? Сует свой длинный нос куда не надо,— возмущенно думала Семакина.— Я же не выпытываю у нее, куда это она тогда ринулась, да еще сразу с двумя пацанами».

Но в трубку ответила, конечно же, иначе. Недолгий разговор с Бараковой Людка продолжила дежурными фразами с подружкой и быстро положила трубку. Теперь Семакина точно знала, что в данной ситуации на Снежану рассчитывать не придется. Не поддержит. А на Семена тем более. Кстати, он ведь тоже недавно ей звонил. Как Людка совсем забыла об этом! Ведь Шадров очень хотел с ней встретиться, чтобы подарить ей какой-то подарок. Одного недавнего подарка судьбы Людке уже хватило. Но Семен так настаивал, что Семакина пообещала вечером выйти во двор.

В назначенный час парень уже сидел на скамейке недалеко от подъезда и смотрел на входную дверь. И вот железная дверь сначала тяжело открылась, а затем мягко захлопнулась. Из подъезда вышла Людка.

— Привет, что хотел-то? На выпускном что ли не нагулялся? — сразу пошла в атаку раздраженная девушка.

— Да нет. Хотя, да! — замешкался Семен. — Ты куда-то пропала, а я вот тебе подарок приготовил.

— Подарок, хм, — заинтересовалась Людка, — ну, хорошо. Давай, показывай, что у тебя там.

— Говорю же, его показать нельзя, можно только послушать, — стал объяснять Семен.

— Се-ма, ты что меня вызвал разыграть, что ли? Что значит слушать? Или ты мне хочешь плеер подарить? — Семакина продолжала нервничать.

— Да нет же! — разулыбался Шадров в предстоящем ожидании радости своей подруги.

— А что тогда?

— Это стих, я его тебе написал и вот дарю. Слушай, — и юный поэт на одном дыхании, с легким волнением дочитал до конца своего Данко.

— Ты что, debil? — сразу вырвалось у Людки от возмущения. Но она тут же одумалась и исправилась. — Ну, в смысле приколист. Кто же стихи дарит? Их посвящают своим дамам сердца. А дарят что-то материальное — вещи. А ты прямо как Пушкин, про «Ромео и Джульетту» написал бы еще.

— Про Ромео написал Шекспир, — слегка обидевшись, поправил девушку Семен.

— Ну, пусть Шекспир. Какая разница! А Пушкин... ну да! Он же про «Руслана и Людмилу» сочинил. Я слегка спутала.

— А причем здесь сказка «Руслан и Людмила» и драма «Ромео и Джульетта»? — не унимался Шадров.

— Фу, какой ты скучный, — даже обиделась Людка. — Ну, во-первых, и то, и другое на «эр» начинается, запутаться можно. А потом, все это про любовные пары, он и она, понимаешь? Мальчик — девочка...

Вскоре спорщики оставили литературную тему, и, немного погодя, девушка зашла к себе домой. Почему-то во время разговора с Семеном Семакина уже не сомневалась в том, что именно завтра, прямо с утра, она начнет решительную войну против своего обидчика, этого несносного парня, Виктора. А как он хотел? Думал, все ему так и сойдет?

5

Утром в съемной квартире Виктора кто-то постучал в дверь. Смирнов сразу насторожился и сказал Дипунову: «Кто это? Иди, спроси».

— Сейчас, — ответил парень и, подойдя к двери, осторожно спросил:

— Кто там?

— Здравствуйте, мне нужен Виктор. Он дома? — за дверью прозвучал вежливый, уверенный женский голос.

Дипунов открыл дверь. Если бы он был поопытнее в конспирации или хотя бы смотрел сериалы про бандитов, то подумал бы о том, что за плечами женщины в коридоре могут стоять кто угодно, от группы захвата до киллера.

Но перед ним стояла его недавняя знакомая Людка и серьезно смотрела ему в глаза.

— А, это ты, — у парня сразу отлегло. И он стал будто оправдываться, — я, вообще-то, не один. И сейчас занят. Ко мне кореш приехал. ...

— Мне надо с тобой поговорить, — заявила Людка и без приглашения шагнула за порог. Дипунов недоуменно захлопнул входную дверь и поспешил за девушкой в комнату. Из кухни ей навстречу вышел незнакомый молодой человек:

— А, у нас гостя? Ну, что же ты, Виктор, мнешься, как не мужчина? Приглашай барышню к столу...

Но не тут-то было. Людка сразу же пошла в атаку и, встав посреди комнаты так, чтобы было видно обоим парней, громко заявила.

— Да нет, ребятки, я не в гости к вам пришла. И приглашать этого ублюдка, — она показала пальцем на Виктора, — буду теперь уже я. Но только сразу на скамью подсудимых. За попытку изнасилования. Я буду подавать заявку в полицию...

В комнате на секунду зависла пауза, а девушка без приглашения села на знакомое кресло, в котором недавно еще лежало ее новое выпускное платье, подаренное Семеном. Первым молчание нарушил Смирнов:

— Как говорится, утро перестает быть томным. И ситуация принимает новый оборот. Так... Девушка, вы, пожалуйста, успокойтесь, а мы сейчас во всем разберемся. Виктор, ну-ка, можно тебя на минутку, на кухню?

И когда Алексей плотно закрыл дверь за Виктором, он тихо стал ему говорить:

— Ты, баран, это кто такая, что за шмара? Тебе что, криминала не хватает? Хочешь проблем от Деда?

— Леха, да прикинь, я эту телку недавно снял по пьяни, ну, она у меня и зависла на сутки. А теперь мне предьяву кидает...

— Ты мне объясни, вы вместе с ней спали? Всего пару раз? Вот за эти пару раз ты и будешь на зоне отдуваться по полной, понял? И с тобой там также и будут поступать, как ты с ней, но только не пару раз. А много больше. Въехал? Ну, молоток. Тогда быстро мне растолкуй в двух словах, что она за птица такая, чтобы я врубился в курс дела.

И Виктор сообщил, что эта телка легкого поведения, недавно закончила школу. Мать у нее бухает, отца нет, и больше он ничего про Людку не знает. И то, все это ему рассказала ее подруга — Снежанка.

— Так, мне все ясно, — с уверенностью заявил Смирнов. — Будь здесь и в зал пока не выходи, усек?

Людка все также продолжала сидеть на кресле. Лицо у нее было озлобленное, а взгляд — решительный. И неизвестно как бы дальше все стало развиваться, но только девушка сама себе осложнила ситуацию и упростила задачу Алексею. У Семакиной уже была заготовлена речь для этого недоноска Виктора, но девушка настолько была взволнована, что у нее пересохло во рту.

Смирнов еще не знал, что сказать их странной гостье, как вдруг услышал от нее то, о чем бы он сам и не догадался:

— Дайте мне напиться, холоденькой воды, а то во рту что-то пересохло.

— А-а, водички... — вроде сначала не расслышал Алексей. — Попить? Конечно, дадим. Это есть. Зачем же воды? Лимонадику. Сейчас, секундочку.

Он кинулся на кухню и через минуту вынес оттуда высокий прозрачный стакан, наполненный лимонадом.

— Вот, пожалуйста, угощайтесь, — и подал его девушке.

Она взяла стакан, но прежде чем отпить из него, довольно резко заявила:

— Не подумайте, что ваша вежливость отразится на моем решении... Я все равно решила подавать заявление.

— Как вам будет угодно, — учтиво проговорил Смирнов. — Вы пейте, пейте...

Он внимательно наблюдал за тем, как Людка с жадностью выпила все содержимое стакана, и, взяв его из рук девушки, вернулся с ним в кухню. Виктор сидел за столом и курил. Алексей бросил стакан в мусорное ведро, прикурил сигарету и, затянувшись пару раз, выглянул из кухни в зал.

Девушка спокойно и крепко спала на кресле. Ее голова слегка откинута назад, одна рука свешивалась на пол. Это было как раз то, чего и ожидал Смирнов. Теперь ему свои планы пришлось резко менять. Но, как говорится, что не делается, все к лучшему. И в Алматы он выедет на машине сегодня же, ближе к ночи. Зато уже при-

везет для Деда первую девушку. Это будет хорошим поводом зарекомендовать себя с лучшей стороны перед шефом и показать свою работу. К тому же, Людка от подмешанной таблетки будет безмятежно спать, тем самым не вызвав у постовых полицейских на выезде из города никаких подозрений.

— А если она у вас по дороге проснется и начнет бузить? — с неуверенностью спросил Виктор, шокированный таким быстрым поворотом событий.

— Мы ей вкатаем успокаивающий укольчик до самой Алматы. Короче, это уже не твои заморочки. В принципе, ты уже нам помог. И Деду я об этом доложу, — объяснил Алексей. — Но за тобой, все равно, тут остается один косячок. Ты должен все узнать об этой девке. И сделать так, чтобы ее не искали. Еще не хватало в розыск объявить! Как это сделать? Подумай. Позвони ее матери, скажи, что их дочка уехала на заработки, например, в Усть-Каменогорск или Караганду. А тебя просила им это сообщить. Только имя свое не называй, а то опять запалишься. Дошло?

— Да, я все продумаю как надо.

— А тебе не надо думать. За тебя все продумают другие люди, ты только обращай по-быстрому и делай все как надо, — проговорил Смирнов, докуривая сигарету.

На словах у него, конечно, все получалось очень даже шоколадно. А на деле надо было это еще осуществить. И поэтому Алексей всю дорогу до Алматы, пока с ним была Людка, нервничал. До тех пор, пока их машина, водителем которой тоже был человек Деда, не остановилась у подъезда одного из жилых домов южной столицы. Передав через водителя привет Деду, Смирнов отпустил машину и вместе с Людкой, которая вела себя хорошо и была покорной, вошел в свою квартиру.

Теплый летний вечер уже вступил в полную силу, и усталость с дороги брала свое. Смирнов не пошел в магазин, а решил обойтись теми запасами, которые у него хранились в холодильнике. Пока девушка принимала душ, Алексей приготовил еду, поставил на стол бутылку водки, а в отдельный стакан налил особый напиток — для Людки. После этого напитка она еще долго будет продолжать чувствовать себя прекрасно, не станет волноваться и делать всякие глупости.

После недолгого ужина Смирнов приготовил постель одну на двоих и они легли. Алексей был настолько ласков и нежен с Людкой, словно они, давно и сильно испытывая любовь к друг другу, встретились после длительной разлуки. И Семакина, не оставаясь в долгу, отвечала парню взаимностью.

Но рано утром Людка, снова проснувшись в чужой постели, как когда-то у Виктора, растормошила спящего с ней Смирнова и засыпала его вопросами.

Алексей, хоть и был спронеся, но спокойно и доходчиво объяснил Семакиной все, что посчитал необходимым.

— Ты знаешь, где ты находишься? Нет? В южной столице нашей родины — в Алматы. И здесь будешь работать. На непыльной, но ответственной работе с людьми. Станешь зарабатывать деньги. Ведь Алматы — это тебе не твое захолустье. Этот город — мегаполис. И где, как не здесь, можно подняться на такую высоту, что потом будешь смело и уверенно смотреть в будущее и строить свои планы? А что твой Семен? Дыра, аул, провинция, губительный конец любой карьере и бизнесу, а значит, и молодости. Сегодня я передам тебя в руки новых твоих начальников, а там дальше сама все поймешь и узнаешь.

(Продолжение следует)

